ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 28 (2411) Среда, 7 апреля 1948 г. Цена 40 коп.

Еще ближе к темам современности!

Присуждение Сталинских премий за выдающиеся произведения советской литературы, созданные в 1947 году, знаменует собой новый под'ем литературного творчества в нашей стране. Этот под'ем выражается не только в том, что ныне всенародного признания удостоено большее количество произведений, чем в предыдущие годы, но и в том, что большинство книг новых лауреатов Сталинской премии посвящено теме современности, подвигам советских людей, нашей жизни, полной героизма.

Поворот советских писателей к социалистической действительности, активное вторжение литераторов в жизнь, приближение к запросам и требованиям народа — все это явления глубоко закономерные и весьма знаменательные. Здесь с огромной силой сказывается вдохновляющее и направляющее влияние партии, которая неустанно проявляет сталинскую заботу о росте и развитии советской литературы. Исторические решения Центрального Комитета ВКП(б) по идеологическим вопросам указали писателям ленинский путь творчества, высокоидейного, подлинно партийного, овеянного боевым духом современности.

Советские писатели ответили на призыв партии рядом произведений, которые потому и полюбил народ, что в них затронуты важнейшие проблемы, волнующие миллионы читателей.

Минувшая Великая Отечественная война, грандиозный опыт героических и суровых лет борьбы с фашистскими захватчиками, естественно, продолжает привлекать внимание писателей. Образы пламенных патриотов социалистического отечества, защищавших на поле битвы свободу и счастье народа, предстают на страницах лучших произведений нашей литературы. Рядом с ними вырастают образы героев, вкладывающих все свои силы, всю свою большевистскую страсть, весь боевой опыт в дело мирного созидания, в строительство коммунизма.

Черпая темы и материал в гуще советской жизни, сближаясь с народом, писатель поднимается на новую ступень своего развития, он неизмеримо вырастает как художник, как инженер человеческих душ. Зорко всматриваясь в те новые черты, которые воспитаны в наших людях партией Ленина—Сталина, выкованы нашим социалистическим строем, обобщая эти черты в своих произведениях, писатель активно участвует в благородном деле коммунистического воспитания масс.

Жизнь нашей страны столь богата событиями и подвигами, что поистине необозримы горизонты, раскрывающиеся перед художником при первом же соприкосновении с современностью. Обилие и многообразие тем и проблем, возникающих на материале сегодняшнего дня, — неисчерпаемо.

Это многообразие и богатство ярко выражено в книгах лауреатов Сталинской премии. Посвященные современности, эти книги об'единены стремлением авторов правдиво запечатлеть великую животворную силу коммунизма, преобразующего и лицо земли и человеческие души. В каждой из этих книг перед нами раскрываются все новые и новые грани нашей действительности, все новые и новые черты характеров.

Солдаты из романа Бубеннова, свято верящие в победу, несмотря на трудности первых месяцев войны, и солдаты из романа Гончара, победоносно переступившие рубеж родной земли, идущие на помощь другим народам, озарены светом одних и тех же великих идей. Моральное величие их изображается в разных условиях, раскрывает перед нами разные стороны одного и того же могучего советского характера. Творческая индивидуальность каждого из авторов придает их героям неповторимые и своеобразные оттенки.

Вчерашние фронтовики, вернувшиеся к созидательному труду на колхозных полях и на лесах послевоенной пятилетки, — Егор Широков, герой поэмы А. Недогонова, полковник Воропаев («Счастье»), капитан Пантелеев, ставший пропагандистом райкома («В одном населенном пункте» Б. Галина), — все это братья по духу, люди, не боящиеся трудностей, находящие счастье не в отдыхе после военных испытаний, а в продолжении борьбы на фронте труда. В их нынешней жизни мы угадываем дальнейшую судьбу Андрея Лопухова («Белая береза») и Хомы Хлецкого («Знаменосцы»).

Разведчики Казакевича и производственники Пановой, животноводы Авдеева и партийные работники, герои пьесы Софронова, ученые из пьесы Ромашова и колхозники, герои поэмы Грибачева — люди большевистской закваски, в деятельности которых выражен дух современности, творческая активность, присущая нашей советской действительности, пламенный советский патриотизм.

На страницах книг, увенчанных лаврами всенародного признания, встречаем мы замечательные образы большевиков.

Коммунист — подлинный герой нашего времени. И нет более сложной и в то же время более благодарной задачи для художника, чем задача правдиво и глубоко запечатлеть черты, присущие коммунисту, показать его вдохновляющее и организующее влияние на окружающих, на ход событий, показать всепобеждающую правоту идей, которые он защищает.

Вспомним, как тянутся люди к большевику Воропаеву, видя в нем воплощение глубокой партийности; вспомним, как правдиво показано большевистское руководство подпольем в книге Козлова, и мы поймем, какие удачи ждут художника, который вплотную и глубоко подойдет к этой теме, к этому образу.

Некоторые из произведений, удостоенных высокой награды, обладают отдельными недостатками. Но уже само обращение к важнейшим проблемам нашей действительности, острая и смелая постановка вопросов, активное вмешательство художника в жизнь обусловили успех этих книг.

Большевистская, глубоко принципиальная оценка литературного творчества, выразившаяся в присуждении Сталинских премий, целиком совпадает с той оценкой, которую дал выдающимся произведениям 1947 года советский народ. Ближе всего широкому многомиллионному читателю то произведение, в котором выражены мысли и чувства простых людей, в котором запечатлены нынешние подвиги наших героев.

Успехи, достигнутые советской литературой в 1947 году в освоении современной темы, — это лишь первые шаги на пути к созданию произведений, достойно, во всей полноте отражающих сегодняшний день народа, идущего во главе человечества.

Еще более углубленная работа над современной темой, еще более активное вторжение в жизнь, еще более тесное сближение с героями созидания — вот чем должны ответить писатели на сталинскую заботу о советской литературе!

Первый с'езд писателей МНР

УЛАН-БАТОР. (По телеграфу). В течение трех дней здесь происходил первый хурал (с'езд) писателей Монгольской Народной Республики. В работах с'езда приняли участие 70 писателей, сказители, улгерчи — те, кто собирает гениальные творения народа и несет в массы слова мудрой правды.

На открытии с'езда присутствовали премьер-министр МНР маршал Чойбалсан, генеральный секретарь ЦК МНРП (Монгольская народно-революционная партия) Цеденбал, члены правительства, посланник СССР в МНР тов. Важнов и многочисленные гости.

Первый хурал заслушал доклад о работе оргкомитета Союза писателей МНР и наметил дальнейшие пути развития молодой монгольской литературы. В развернутом решении, принятом с'ездом, говорится о задачах, стоящих перед монгольскими писателями, и подчеркивается необходимость еще более плодотворного и тесного содружества с писателями Советского Союза. С'езд избрал правление Союза писателей Монгольской Народной Республики во главе с членом Комитета наук МНР писателем Нацогдоржи.

В ответ на приветствие Союза советских писателей СССР, оглашенное на с'езде, президиум первого хурала послал приветственную телеграмму, в которой говорится:

«...Первым учителем и наставником наших молодых литераторов был великий писатель, пламенный и неутомимый батор советской литературы, родоначальник социалистического реализма Максим Горький. В своем письме к монгольской интеллигенции, написанном в 1925 году, он, с присущей ему страстью и мудростью, с удивительным пониманием исторической судьбы нашего народа, подсказал нам слова о великом назначении литературы и о той роли, какую она может сыграть в пробуждении и раскрытии творческих сил народа, в воспитании активных, деятельных борцов за народное счастье. Мы старались итти по пути, указанному великим Горьким. Мы старались познать русский язык, и он стал для нас ключом к сокровищам великой русской литературы. Через нее доходил до нас голос правды, голос совести человечества, голос, зовущий вперед, к светлому будущему, с такой силой звучащий в произведениях русских классиков и советских писателей. В бескрайних степях Монголии, подобно солнцу, засияли имена М. Горького, А. Толстого, Д. Фурманова, В. Маяковского, Н. Островского, их произведения стали близкими и дорогими сердцу монгола...

...Пусть же растет и процветает, подобно месяцу полнолуния и цветку благодатной земли, великая советская литература, зовущая к счастливому будущему, к коммунизму.

Пусть растет и крепнет наша братская дружба».

Владимир ФОМЕНКО

Одна строчка

◆

3 апреля в центральных газетах было напечатано письмо колхозников Краснодарского края к товарищу Сталину.

В этом письме содержится обязательство звена т. Федотовой (колхоз «Красный Аксай» Курганинского района): получить по 120 пудов на 120 гектарах, а на 16 гектарах—по 210 пудов.

Мы публикуем очерк писателя Владимира Фоменко, выезжавшего по поручению редакции «Литературной газеты» на Кубань и находившегося в дни составления исторического документа в колхозе «Красный Аксай».

◆

Три недели колхоз «Красный Аксай» готовил письмо товарищу Сталину. Полеводы составляли обязательства по урожаю хлеба, фермы — по молоку и шерсти, кузни — по готовности инвентаря. Все шло хозяйственным размеренным ходом, пока не случилась история с трактором.

В обед трактористка Лукерья Стехина везла солярку мимо окон хаты деда Рыжова. Выбирая место посуше, а, может, зазевавшись, она взяла близко к обрывистому краю дороги, трактор соскользнул и ударился о вкопанный над кюветом каменный столб.

Вечером несколько казаков, уже не работавших по старости, явились в правление и потребовали, чтобы прежде, чем они распишутся под письмом, их допустили осмотреть все службы. Видимо, обеспокоила их авария перед хатою деда Рыжова.

С утра старики начали осматривать хозяйство. Сверяя с тем, что записано в обязательствах, они подолгу задерживались на чабарне, в мастерской и огороде; отщипывая от ветки, давили в заскорузлых пальцах абрикосовую почку, спрашивали у садовника, где он разложит костры на случай, когда сады зацветут и вдруг ударит мороз... Старики придирчиво осмотрели посевное зерно, измерили рулеткой денник для купленного на конзаводе жеребца.

К десяти часам второго дня хозяйство оказалось осмотренным. Прямо из сеней родильного помещения молочной фермы комиссия направилась к машине. Под мотором солнце расцвечивало в луже радужные круги бензина.

Через минуту, разбрасывая колесами грязь и взрывая лужи, машина завиляла по залитой водою станице.

Закутанная в козий пуховой платок бабка Лобушиха сидела на соломе и, когда машина подкидывала, толкалась то о Рыжова, то о Заикина.

Прокофий Васильевич Рыжов, восьмидесятилетний казак с крупным в синих прожилках носом, был выбрит — на скуле и подбородке свежие порезы. Поближе к Рыжову теснился болезненный Заикин. Несмотря на весну, Заикин поверх поднятого воротника обмотал себя шарфом.

— Правимся мы к Федотовой, — через силу наклоняясь к старикам, сказала Лобушиха. — И считаю я, что у нее дело неладное...

— Чем, Кононовна, у Федотихи неладно?

— А как же ладно? Записала она, шутка сказать, 200 пудов! Это на языке легко: раз, и повернул, чтоб перед другими колхозами выфрантиться. Другие могут и по 400, у них земли богатые. А какая у Федотовой земля? Пласт чернозема, а с исподу глина. Скажи, зачем люди до утра свет жгут, пишут письмо Сталину? Чтоб в газете отпечатать и радоваться? Нет! Чтоб то, что записано, государство плановало, как вроде уже ссыпанный хлеб! Оно и Федотиху так запланует — 200 пудов с гектара, а я в ее земле дуже сомневаюсь. Надо сейчас думать, а будет письмо пущено — с Москвы не вернешь...

Рыжов положил ладонь на рукав Лобушихи:

— Я от этих думок, соседка, ночь ворочался...

— Один ты? — усмехнулся Заикин.

Машина давно вышла за станицу. Далеко на юге — признак разгулявшейся погоды — еле приметно обозначился Кавказский хребет. Мелькали пашни. В низинах встречались еще острова снега.

Машина остановилась около выкрашенного в синюю краску вагончика. На прошлогоднем кукурузном поле девушки жгли корневища.

— Принимайте гостей! — вылезая из кабинки, крикнул шофер.

Девчата, на ходу отряхивая юбки, подходили к машине.

— Здравствуйте, — сказала Лобушиха. — Приехали мы побеседовать об ваших обязательствах, — она огляделась по сторонам. — Где хозяйка?

Высокая дивчина, держа в губах шпильку, выкладывала на затылке косы. Она вынула шпильку из губ и сказала:

— Федотова подалась за золой. А чего говорить насчет обязательств?

Девушки пересмеивались и, довольные минутой отдыха, толкали друг дружку.

В душе Рыжова шевельнулась обида, он потер выбритый утром подбородок и официально сказал:

— Мы, товарищи, приехали проверить озимую, об которой вы составляете письмо.

Озимь начиналась справа от кукурузного участка, а другой стороною граничила с шоссе. Ксения и Маша пошли со стариками, остальные девушки снова принялись убирать будылья.

Маша Дегтева, веснушчатая и подвижная, как мальчишка, шагала рядом с Рыжовым и Заикиным и деловито поглядывала на них снизу вверх.

— Вот наше поле. Стойте.

Рядки озими уходили прямыми полосами и далеко, далеко впереди, слившись вместе, терялись за горизонтом.

Все присели на корточки. Вымоченная в тонком грунте озимь не радовала зеленым цветом. От частых и долгих дождей основания кустов заплыли грязью, и рядки пшеницы, впечатанные в плотный ил, были бурыми, точно поржавевшее железо.

— Земля позаклёкла. Задыхаются коренья без воздуха, — повернулась к старикам Кононовна.

— Ага, — спокойно кивнула Маша.

Рыжов, как ветеринар больную корову, осматривал кустики, разбирал их пальцами, ощупывал вокруг заплывшую почву.

— Так и записали по 200 пудов?

— Нет, по 210,—усмехнулась Ксения.

— Может, что я с ума выжил...

— А что? Разве не взять?

— Разве! Так не смеяться ж, когда дожди хлеб позалили!

— Им чего ж! Им бы смешки, да хаханьки! — сощурилась Лобушиха.

Ксения вскинула головой:

— Это одних нас касается.

— Чего?..

— Погоди Кононовна,—остановил Рыжов бабку. — Ваша земля, девчата, не одних вас касается. Она любому болит. Даже кто ее не обсевает, а работает, к примеру, в кузне. Болит и нам, которые уже отработались. Или это вам непонятно?

— Неправда, понятно! — торопясь, заговорила Маша. — Просто мы над землей не плачем. Нельзя над ней плакать: мало дождей — плакать, много — тоже. Надо всматриваться, что и как, и всегда брать урожай.

— Ты постой. Не лети. — Рыжов тяжело поднялся с корточек.—Не лети! Ты скажи: поле дождями затопило — это хорошо?

— А чего ж? Если руки приложить, да взять от мокрой погоды что нам нужно,—затараторила Маша. — Верно вы подметили: дожди лили всю зиму—1300 миллиметров упало — повымыли сверху из земли питание и так почву утрамбовали, что теперь воздух не доходит до корней, и пшеница пожелтела. Это скверно, но это же и хорошо, потому что земля промокла аж на 3 метра и корни за водой пошли в глубину. Когда пшеница начнет выбрасывать трубку, они как раз метра на два пройдут вниз. Вот откуда будут брать влагу! Поняли?

— Вроде, поняли, — усмехнулся Рыжов, — сами агротехнику учили...

— Значит, пшеница с глубины, с больших запасов будет тянуть влагу. Много влаги — пышный рост. Эту обстановку мы и используем: ни грамма не дадим пшенице азота — он ведь для роста, а, наоборот, побольше золы ей, золы! Чтоб клетку в стеблях укрепить. Вдобавок рядки механически разрядим, тогда хоть и еще любые дожди пойдут — хлеба не полягут.

— А девка, кум, не брешет, — наклонился Рыжов к Заикину.

— Вроде, нет...

— Значит, — торопилась досказать Маша, — вот это и возьмем из обстановки.

— Что вы думаете, — перебил Рыжов, — насчет фосфата?

— Ох, и ругались мы, пока его достали! — замахала маленькими ручками Маша. — Так ругались, аж поохрипли. Сейчас толчем для ровного насыпа, чтоб каждый куст получил одинаково.

— Растение само возьмет, сколько надо. Природа, она знает, — сказал Рыжов.

— И неправда. Ничего не знает! — возразила Маша. — Насыпьте химии коекак; одному кусту совсем не достанется, а другой переест — заболеет.

На шоссе загудел мотор, со стороны станицы шла машина. Поровнявшись с людьми, она не остановилась и завернула к синему вагончику.

— Инвентарь привезли, — сказала Маша.

— Не рано ли?

— Нет. Земля просохнет, час пропустишь, ровно полцентнера потеряешь.

— Вы все свои заботы на центнер мерите?..

— Ну да. Рассчитали, что всего с озимой получим по 200 пудов, а вчера достали химии, потому еще 10 добавили.

— Слушай, хозяйка, ты вот что скажи, — наклонился к Маше Заикин. — Как считаешь, по совести, — все у нас хорошо на поле?

Маша забеспокоилась, отчего на ее лице, на седловинке вздернутого носа, резче проступили веснушки.

— Понимаете, это от нас не зависит... Может, что-то можно придумать — не знаю: только всходам сейчас очень трудно. Они после зимы едва ожили, им бы сейчас самое кушать, брать силу, но питание, что лежит в земле — разные там палочки, листики, для них еще не годится: его раньше бактерии должны обработать, а бактерии не поживали еще в холодной земле. Вот всходы и голодают... А ведь в них — мы на курсах в микроскоп смотрели — уже сейчас все позаложено: и маленький колос, и колоски, и цветки — весь урожай. Сейчас бы им подкормки насыпать, а как? Видите, земля жидкая: ступнешь — все затопчешь.

— Да, затопчешь... А, говоришь, заложен уже колосок?

— Заложен.

— Значит, он, как дите в люльке, лежит между листками... — Заикин поскреб бороду, оглядывая уходящие к горизонту рядки озими. — Лежит спеленутый и не чует, что хлебороб ходит вокруг, может, не спит — думает об нем...

Маша не дослушала:

— Да, да. Правильно! Ранняя вегетация для растения болезненная — это всегда. Но как поломать то, что всегда? Как по этой жиже пройти?

— Трудно, — вздохнул Рыжов. — Как думаете, старики?

Вдали на шоссе показался «ЗИС». Над кабиной маячила человеческая фигурка. Машина приблизилась, было видно, как на промоинах дороги из-под тяжелых скатов брызгала грязь.

— Федотова едет, — сказала Маша.

Поровнявшись с полем, «ЗИС» остановился. Лена Федотова, краснощекая, с высоким валиком мягких волос, выпрыгнула из машины.

— Гляньте-ка, золу мы привезли — сухая, как летом... — сказала она девушкам. — Ну, как озимая, старики?

— И что тебе, дочка, об'яснять? — сказала Лобушиха. — Вы тут все сами агрономы. Пшеница бурая — это вы знаете, значит, почву ветрить надо.

— Ой, бабушка, и не говорите... Озимке бы сейчас богатое питание. А тут вот по полю не пройдешь.

— Подожди, Федотиха, не цекоти, — оборвал Рыжов. — Кажись, пройдешь.

Наступив одним сапогом, он отодрал с другого налипший катух грязи и стал осматривать высокое, с легкой дымкой по краям небо.

— Морозец будет, — сказал старик. — Не так, чтоб крепкий, но по озимой легонько пройдете.

— Не ошибаетесь, Прокофий Васильевич? — спросила Лена.

— Нет. Чуешь, в ветерке сушит?

Действительно, едва уловимые признаки морозца уже трогали степь... Черный, сочный чернозем еще не потускнел, но гребешки комьев словно потеряли свою маслянистость...

Через несколько минут машина пошла в станицу, а вечером старики явились в правление подписывать письмо товарищу Сталину.

В письме говорилось о скоте, о садах, пчелах, о строительстве и о полях. Но так как на Кубани тысячи колхозов и в каждом — сотни дел, о которых хочется рассказать товарищу Сталину,—все вместить не удалось и, например, от колхоза «Красный Аксай» в письмо вошла лишь одна строчка о звене Федотовой.

Станица Михайловская.

Праздник советской литературы

В Центральном доме литераторов состоялся митинг, посвященный присуждению Советом Министров Союза ССР Сталинских премий за выдающиеся работы в области литературы и кинематографии.

За столом президиума — литераторы, удостоенные звания лауреата: прозаики В. Костылев и В. Авдеев, литературовед Б. Мейлах, драматурги Б. Ромашов, Н. Вирта, А. Софронов, автор художественных очерков Б. Галин, автор научно-художественных произведений Н. Михайлов, кинодраматурги М. Блейман, Е. Помещиков, Н. Рожков, К. Исаев, И. Маклярский, Б. Агапов, М. Смирнова.

К. Симонов, поздравляя лауреатов от имени президиума ССП, говорил о серьезных успехах, достигнутых советской литературой во всех жанрах. Радостно, что среди товарищей, удостоенных Сталинских премий, много новых писателей. Многое сделано, но еще больше предстоит сделать. Литераторы страны Советов отдадут весь свой талант, чтобы оправдать доверие партии и правительства.

В. Костылев взволнованно рассказал о дореволюционных годах, когда честного литератора ждала «награда» за труд — тюрьма и высылка. Только советская власть создала все условия для невиданного расцвета литературы и искусства.

— Я один из старых советских драматургов, — говорил Б. Ромашов. — Но старости своей не ощущаю. Где, в какой стране писатель может испытывать столь радостные и счастливые чувства! Большая честь работать для советского народа, для советского театра. Сегодняшний день обязывает ко многому, он является призывом ко всей нашей драматургии — трудиться лучше, трудиться больше, воспитывать новую смену.

— Я получал Сталинскую премию в тяжелый 1942 год, — вспоминал С. Бородин. — Вместе с нами награды получали авиаконструктор Яковлев, строители советских танков и самолетов. Мы, литераторы, чувствовали, что наш труд идет на вооружение страны. Будем же писать так, чтобы каждая книга, пьеса, картина помогали народу бороться за новые светлые горизонты.

Б. Мейлах отметил, что литературоведение теперь интересует самые широкие круги читателей. — Народ пред'являет свой счет и нам, теоретикам. Отвечать на этот счет произведениями, достойными народа, думать о народе, жить для него, — к этому обязывают высокие награды, полученные сегодня.

— Награждение меня, как очеркиста, — сказал Б. Галин, — лишний раз подчеркивает, какое широкое поле деятельности открывается перед каждым из нас. А. М. Горький любил этот жанр, он посылал людей изучать страну, писать о ней, толкал нас итти на передний край жизни. Сталинская забота заставляет нас лишний раз задуматься: все ли ты делаешь в своем служении народу?

— Мы — солдаты одного из отрядов советской литературы, — говорили сценаристы М. Блейман и М. Смирнова,—и обязаны яростно бороться с тлетворным влиянием буржуазного искусства, учить людей правде жизни, правде партии Ленина — Сталина.

— Моя работа не роман, не драма, не поэма, не сценарий, даже не очерк, — сказал Н. Михайлов. — В новом жанре научно-художественной литературы у нас пока работают немногие. Наш жанр только еще нарождается, но он будет создан!

— Одной из первых поздравительных телеграмм, полученных мною, — сказал А. Софронов, — была телеграмма от коллектива Ростсельмаша, где в юности я работал слесарем. Мне пишут, что рады успеху своего бывшего воспитанника. Чувство ответственности перед своим заводом, перед страной испытывает каждый из нас. Мы, писатели страны, строящей коммунизм, вооруженные историческими постановлениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, сделаем все, чтобы оправдать доверие, которым окружают нас народ, партия, товарищ Сталин.

С огромным воодушевлением писатели обратились с приветствием к вождю народов, лучшему другу советской литературы — товарищу Сталину.

ЮБИЛЕЙ ДЕТСКОГО ТЕАТРА

20 лет назад на одной из окраин Москвы появился пестрый фургон. Стенки фургона опустились, и началось веселое представление. Так родился Московский театр юного зрителя, отмечающий скоро свой двадцатилетний юбилей. В небольших пьесках, которые показывал театр маленьким зрителям, раз'езжая по дворам, рассказывалось о школе, о взаимоотношениях детей и родителей, о пионерской организации.

В 1933 году в театр, который перешел к этому времени на стационарную работу, вливается группа детских писателей — А. Бруштейн, Л. Кассиль, Р. Фраерман, Н. Шестаков.

За 20 лет МТЮЗ показал много спектаклей советских драматургов.

Над репертуаром театр работает при постоянном и непосредственном участии своего зрителя. Принятые к постановке пьесы читаются в школах, ребята корректируют и новые постановки, внося поправки и предложения.

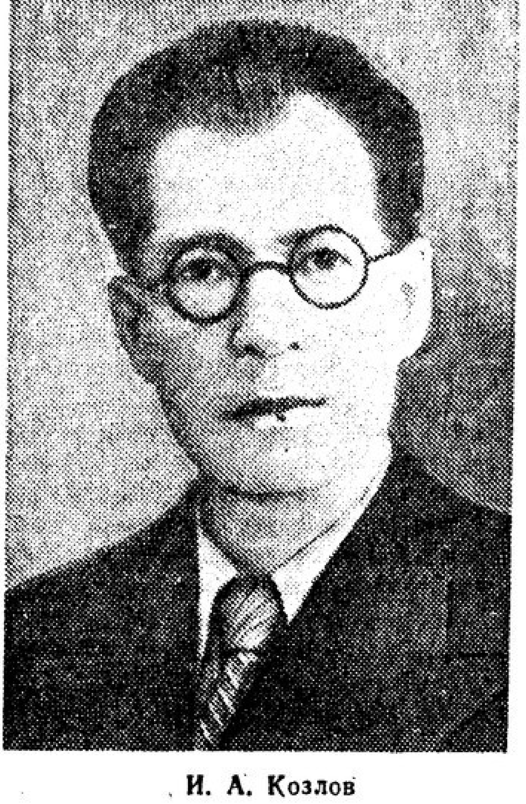
В этом году театр вновь воскрешает свою былую традицию — бригада актеров со специальными программами будет выезжать в районные клубы и во дворы Москвы.

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

В. Ф. Авдеев

Т. М. Керашев

В. К. Кетлинская


И. А. Козлов

И. И. Ликстанов

Н. Н. Михайлов

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

Б. Н. Агапов

Е. М. Помещиков

М. Н. Смирнова

Ю. П. Герман

Н. В. Рожков

И. И. Бачелис

А. МАРЬЯМОВ

НОВОЕ ПОБЕЖДАЕТ

После окончания спектакля бархатный шнур задержал в фойе часть зрителей. Остановившись у мраморной лестницы, люди продолжали оживленный спор о только что показанной пьесе.

— А вы полагаете, батенька мой, у нас в институте такого не наблюдается?— густо гудел, по-волжски напирая на «о», грузный седой человек с необыкновенно живо поблескивающими молодыми глазами. — И Милягин есть, и Медынцев, батенька мой, имеется. И вот уже где, изволите ли знать, они у меня сидят...

Внезапно раз'ярившись, он похлопал себя крупной рукой по затылку.

А кто-то, скрытый толпою, обращался к девушке, одетой в военную гимнастерку со следами недавно спороных погон:

— Гипербола? Да какая же это гипербола? Послушайте-ка разговор диссертантов в курилке Ленинской библиотеки. Иной только и слышит: «Джонс...», «Жано...», «Иоганнес...». Этаких авторитетов у них на родине ни во что не ставят, а для нашего заучившегося пижона, что ни вякнет этакий Джонс со своего насеста, то и окажется непререкаемой истиной. Нет, нет, это не гипербола, об этом давно подумать пора...

— «Просквозило...» — повторял позади женский голос реплику из только что виденной пьесы. — Вот верно сказано. «До сих пор простуженный ходит...»

Спектакль шел в Малом театре. Пьеса, которая вызвала такую оживленную реакцию зрителей, называлась «Великая сила».

Б. Ромашов написал эту пьесу вскоре после войны. Он долго, кропотливо работал над нею, и от варианта к варианту большая правда жизни вытесняла из пьесы мелкие личные конфликты и вводила на их место спор идей, спор прогресса с косностью.

В пьесе решались кардинальные проблемы, волнующие советскую интеллигенцию, и она остро захватила зрителей.

Положение нашей науки за последние два десятилетия достигло небывалых высот. Возможности, открытые в нашей стране перед ученым, работающим во имя человеческого блага, поистине безграничны. И тем важнее как можно быстрее освободить научную среду от всяких пережитков капиталистического прошлого.

Основной конфликт пьесы воплощен в споре двух главных действующих лиц — профессора Лаврова и профессора Милягина. Они не только сослуживцы по научно-исследовательскому институту. Они связаны многолетней дружбой, общей судьбой. Советская власть для обоих открыла возможности широкого художественного научного труда. Без этого оба не смогли бы притти к науке. К тому же Лавров и Милягин — сверстники. В списке действующих лиц автор обозначает всегда за обоими именами — «48 лет».

И все же, это совершенно разные люди. Павел Степанович Лавров — подлинно советский ученый, в чистейшем смысле этого слова. Он — человек государственного и притом социалистического мышления. А Трофим Игнатьевич Милягин заражен многими вредоносными бактериями, оставшимися от старой, буржуазной науки. Одна из таких бактерий поселила в нем рабское угодничество перед всем «заграничным». Другие — развратили его заботами о личной славе, поставленной превыше заботы об общем благе, алчным своекорыстием, стремлением к маленькому домашнему благополучию...

Два этих образа выражают два противоположных, непримиримых взгляда на самое существо советской науки, на ее цели.

Дом Лавровых пронизан свежим ветром жизни, для которого равно гостеприимно открыты и окна комнат, и сердца людей. Этот ветер жизни привел Лаврова к его работе. Он окунул в живое дело молодого Виктора Лаврова и разжег огонь творческих стремлений в душе дочери профессора — Любы Лавровой.

Окна милягинской дачи были открыты навстречу иному ветру, идущему от застоя, с гнилых, зараженных болот.

В конфликте передовой, неустанно идущей, подчиненной великим задачам человеческого блага советской науки с наукой буржуазной, косной, извращенной, — одерживает победу передовая, творческая советская мысль.

Об этом и написал свою яркую, страстную пьесу Б. Ромашов.

Она завоевала признание и благодарность многих тысяч зрителей, и благодарность эта выражена в высшей награде писателя — в Сталинской премии, присужденной драматургу.

Т. МОТЫЛЕВА

СМЕЛОСТЬ ИСКАНИЙ

Награждение Веры Пановой Сталинской премией за «Кружилиху» — событие радостное и поучительное.

О «Кружилихе» немало спорили. Когда книга вызывает желание поспорить, когда о ней наперебой стремятся высказаться не только профессионалы-литераторы, но и читатели, — этот факт сам по себе доказывает, что писателю удалось поднять реальные, жизненные вопросы.

В романе не осталось почти ни одного действующего лица, по поводу которого не были бы высказаны те или иные соображения «за» и «против». О людях, созданных воображением художника, спорили, как о живых. Разве не было это своеобразной формой читательского признания?

В романе нарисован коллектив советских людей. Идет война. Перед лицом тяжких испытаний простые, рядовые советские люди — разного душевного склада, разных поколений — совместно делают большое, полезное народу дело. И это дело — главное, что есть в их жизни. Таково было содержание «Спутников». Таково и содержание «Кружилихи».

Однако в «Спутниках» эта идея морально-политического единства советского народа была раскрыта на материале, хорошо знакомом и близком автору. В «Кружилихе» писательница столкнулась с кругом явлений, несравненно более сложных. Рассказать о большом заводе оказалось во много раз труднее, чем о людях санитарного поезда. Но в самой попытке освоить новый, важный жизненный материал проявилось мужество писательницы, ее новаторская смелость.

Уже много говорилось в критических статьях о портретном мастерстве Веры Пановой, о ее психологической наблюдательности, поразительной зоркости к деталям, умении выбрать нужное, точное слово. Все это есть в «Кружилихе». Но есть в ней не только это. Роман проникнут любовью к советскому человеку, гордостью за него.

Большинство персонажей «Кружилихи» по своему общественному положению — те, кого в современном буржуазном мире принято считать «маленькими людьми».

Со страниц западной литературы смотрят на нас рядовые люди капиталистического мира, отданные во власть страха, подавленные жестокой бессмыслицей подневольного своего бытия, отравленные ядом реакционных предрассудков. Взгляд на человека, как на беспомощное и от природы своей порочное существо, имеет самое широкое хождение в литературе Запада.

В диаметрально противоположном направлении развивается советская литература. Все более полно, разносторонне, уверенно раскрывает она процесс роста рядовых тружеников — строителей и хозяев социалистической Родины, типические черты простого советского человека — чувство достоинства и товарищеской солидарности, любовь к труду, деятельное, творческое отношение к жизни.

Особенность В. Пановой в том, что она стремится показать героику советской жизни, выбирая самые будничные, внешне неэффектные характеры и ситуации. Она хочет показать скромных, рядовых советских тружеников в сложном, противоречивом переплетении разнообразных качеств— и тех, которые привиты советским строем, и тех, что унаследованы от прошлого. Она хочет рассказать о хороших людях, не умалчивая об их слабостях, о превратностях и осложнениях их жизни.

В «Кружилихе» идет речь о людях, которые во многом несовершенны, которые далеко не во всем могут являться примером для подражания. И все же почти каждый из героев романа несет в себе частицу того нового, что воспитано в человеке советским укладом жизни. Мы чувствуем это новое не только в кипучей творческой энергии Листопада, но и в осознанном трудолюбии семьи Веденеевых, и в мальчишеском задоре Тольки Рыжова, и в душевной чистоте Саши Коневского, и в отзывчивости Анны Ивановны, и в трудовой неугомонности, в широте кругозора старой украинской колхозницы — матери Листопада, и во многом, многом другом... Панова не ставила себе задачи воплотить духовный и моральный идеал советского человека в каком-либо одном образе. Но частицы этого идеала присутствуют во многих ее героях. Каждый из них по-своему свидетельствует о громадном облагораживающем влиянии, которое оказывает социалистический строй на многие миллионы людей.

Писательница очень осмотрительно обращается с большими словами. Она видит и стремится показать, с каким трудом, какими нелегкими путями осуществляется превращение больших слов в большие дела. Она видит дистанцию, которая нередко отделяет действительное от желаемого. Именно поэтому в состоянии она создавать книги, которые волнуют читателя верностью непосредственных жизненных наблюдений, — создавать образы людей, в которых читатели узнают соседей и знакомых.

Иные критики ставили в вину Пановой, что она вывела в своем романе несколько персонажей, явно отталкивающих, таких, например, как Уздечкин. Эти упреки неосновательны. Разве не встречаются еще в нашей жизни уздечкины, которые мешают работать и итти вперед?

Недостаток произведения не в том, что в нем намечены реальные жизненные конфликты, а в том, что конфликты эти порою искусственно сглаживаются. Идиллическая сцена примирения Листопада с Уздечкиным; стремительная «перековка» блатмейстера Мирзоева; прощение передовым рабочим Веденеевым (а заодно и автором) кулака Мартьянова, который «отробил» свои грехи; снисходительная интонация в описании эгоистического, мещанского поведения Лидочки — вот что звучит в повести диссонансом. Писательница наглядно, на ряде примеров показала живучесть буржуазно-индивидуалистических навыков, вредность пережитков прошлого, сказывающихся в поведении иных советских людей. Именно поэтому читатель вправе был ждать от автора «Кружилихи» большей непримиримости по отношению к пережиткам прошлого, большей последовательности в изображении борьбы нового со старым.

Но все-таки важно видеть, что не эти недостатки — сколь бы значительны они ни были — определяют внутренний пафос и сущность «Кружилихи». Вера Панова создала увлекательную и честную книгу, которая дышит любовью к советской Родине и во многом удачно воссоздает правду советских будней. «Кружилиха» не только воспроизводит настоящее, но и устремлена в будущее. Разве не проникнут романтикой будущего заключительный, лирически-взволнованный монолог Листопада?

«...Будет ли день, когда человек скажет: «Я всем доволен, премного благодарен, мне больше ничего не надо»? Никогда не будет такого дня. Всегда раскрыта земля для новых семян, и никогда не сняты леса для строителя. А кто произнес такие слова,тот мертв, от него нечего ждать живым».

Эти строки имеют ближайшее отношение и к нашей литературе. Читатель — какое бы талантливое произведение он ни прочел — не скажет: «Я всем доволен, мне больше ничего не надо». Советский читатель имеет право на недовольство тем, что достигнуто художником, даже если достигнуто многое. Однако страна наша умеет ценить и награждать талантливого художника не только за бесспорную удачу, но и за смелость исканий, за выбор трудного пути.

Мих. ЗЕНКЕВИЧ

ВЕЛИЧИЕ ВРЕМЕНИ

Владимир Сосюра — один из зачинателей советской украинской поэзии. Песня Сосюры родилась на фронтах гражданской войны. Урожепец Донбасса, сын шахтера, сам с детских лет работавший в шахте, Владимир Сосюра юношей вступил в ряды Красной Армии.

Поселок над Донцом, где виснет дым завода,
И музыка в саду, и поезд в семь часов...
Как не забыть мне ввек родную Третью роту,
Так не забыть мне вас под бег седых годов.

Зима. На фронт, на фронт!.. А провожатых много,
И пенье «Чумака», теплушки и перрон...
И с нами молодость, и радость, и тревога...
Борьба связала нас, собрав со всех сторон.

Так вспоминает Сосюра свое поэтическое рождение. Одним из первых обратил внимание на молодого поэта Эдуард Багрицкий; он с похвалой отметил революционную лирику книжки Сосюры «Красная зима». За «Красной зимой» последовали новые сборники, и Владимир Сосюра вскоре по праву занял одно из первых мест в украинской советской поэзии.

Первые годы сталинских пятилеток Сосюра приветствовал поэмой о Днепрострое. Он создавал живые образы строителей социализма в таких стихах, как «Криворожье», «Учительница», «Рабфаковка». В эти же годы поэт написал стихотворение о Сталине:

То имя — как трубы призывный звук,
В борьбе за свет всегда ты перед нами.
Тебя до звезд взнесли мильоны рук,
Чтоб ты сиял, как знамя над веками.

В годы Великой Отечественной войны В. Сосюра создал много боевых патриотических стихов и поэм, которые в разгар битвы за освобождение Харькова, Полтавы, Киева печатались во фронтовых газетах.

Стихи поэта, обращенные к землякам, не смирившимся под пятой оккупантов, перепечатывались и тайно распространялись украинскими партизанами.

Послевоенные стихи В. Сосюры собраны в его недавно вышедшей книге — «Чтоб сады шумели». Проникновенная и задушевная книга эта звучит, как радостная симфония победы, завоеванной народом, как симфония счастья, защищенного от врага. Она воспринимается так, точно автор все эти стихи произнес одним дыханием. И хотя в книге собраны стихотворения на разные темы, но ее стройность, ее взволнованная лиричность определяются лейтмотивом — любовью к Родине.

Поэт приветствует свою расцветающую Родину, залечивающую раны войны:

Україно моя, срібний спів солов'я,
Шум заводів, моя Україна!..
. . . .
І як сад повесні, наче зорі ясні,
Розцвітае моя Україна.

Поэма «Огненные дороги» повествует о бойце, прошедшем все огненные дороги войны — от Сталинграда до Берлина и с победой вернувшемся в родную донецкую шахту, где уже откачали воду и снова стали добывать уголь. С полей сражений человек вернулся строить свое счастье и счастье своего народа.

Иной раз поэту нужна самая небольшая деталь, чтобы осветить целую картину; и белое вышитое полотенце в руках фронтовика, и шум возрожденной шахты — все отражает силу и радость восстановленной жизни.

Для стихов В. Сосюры характерно проникновенное ощущение исторического величия времени, нашей сталинской эпохи. Стихи об украинском народе перерастают в стихи о народах всего Советского Союза, о радости всеобщего вдохновенного, созидательного труда.

«Для тебя, мой народ, играю я на струнах моей души», — говорит Сосюра в одном из лирических произведений, мечтая о том,

Щоб пісні мої стали достойні
Золотого народу мого.

От души написанные патриотические стихи, песни В. Сосюры достойны его золотого народа.

З. ПАПЕРНЫЙ

СИЛА ЛЕНИНСКИХ ИДЕЙ

Буржуазные литературоведы, любители, по выражению Ленина, «пустых казенно-либеральных, избито-профессорских фраз», немало потрудились над тем, чтобы оторвать историю нашей отечественной литературы от общественной жизни и борьбы.

«Отвлечение внимания от... конкретных историко-экономических и политических вопросов» —вот, по словам Ленина, характерная черта либералов-литературоведов всех мастей.

Против подобного буржуазно-либерального подхода к литературе направлена вся книга Б. Мейлаха «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX вв.» — от первой до последней страницы.

«Ленин, — пишет исследователь, — ...разрешал в своих работах многие из тех вопросов, которые выдвигались и в классической художественной литературе».

Б. Мейлах тщательно и вдумчиво прослеживает, как отразились жгучие вопросы социальной жизни, жестокая классовая борьба, жаркое предгрозовое дыхание приближающейся революции на всей идейно-философской и литературной борьбе 90-х—900-х годов. Автор живо воссоздает борьбу Ленина с народниками. Он показывает полную противоположность подхода к действительности марксистов, которые прямо смотрели в глаза правде жизни, трезво изучали законы развития капитализма в России, упорно готовили народные массы к революционному штурму, и народников, «боровшихся» с капитализмом истерическими заклинаниями, маниловскими ламентациями и призывавших писателей «перевоспитывать» кулаков и буржуазных хищников.

Б. Мейлах раскрывает далее отражение этого исторического спора в литературе того времени — в произведениях Глеба Успенского, Вересаева, Каронина, Златовратского и др. При этом автор показывает, как по-разному преломлялись общие вопросы, выдвигаемые эпохой, в творчестве различных писателей. Тем самым он опровергает и не изжитое до сих пор у некоторых ученых представление о литературе, как о едином национальном потоке.

Глава «Статьи Ленина о Толстом» — лучшая в книге. Б. Мейлах глубоко раскрывает гениальные ленинские мысли о кричащих противоречиях Толстого. Интересны сопоставления ленинской концепции со взглядами на Толстого и на русскую литературу Чернышевского. Новые — по привлекаемому историко-литературному материалу — содержательные комментарии дает автор к знаменитой статье Ленина «Партийная организация и партийная литература». Анализируя ту или иную работу, высказывание Ленина о литературе, Б. Мейлах стремится к обобщению, намечает основные принципы подхода Ленина к литературе. Вместе с автором книги мы вновь перечитываем страницы знаменитых работ, слушаем «набатный ленинский язык», видим, как Ленин последовательно расправляется со всеми, кто пытался исказить, оклеветать русскую литературу, использовать ее для борьбы против революции.

Невольно вспоминаются слова И. В. Сталина о «горном орле, не знающем страха в борьбе», о непримиримой ленинской критике противников партии и революции, о его простом и ясном, сжатом и смелом стиле, — «когда каждая фраза не говорит, а стреляет».

Читая книгу Б. Мейлаха, мы видим, как последовательно проводил Ленин принцип **партийности**, большевистской принципиальности в анализе литературных явлений.

«Раз человек партии пришел к убеждению в сугубой неправильности и вреде известной проповеди, то он обязан выступить против нее», — писал Ленин Горькому.

Когда Горький выступил против вредной и реакционной популяризации «Бесов» Ф. Достоевского, Ленин выразил ему в письме свое одобрение.

В то же время Ленин прямо и честно указывал Горькому на его ошибки, заблуждения, настойчиво учил его революционной непримиримости.

«Какое же тут «примирение» может быть, милый А. М.? — отвечал он Горькому, попытавшемуся было смягчить «драку с махистами». — Помилуйте, об этом смешно и заикаться. Бой абсолютно неизбежен».

Замечательной особенностью Ленина-публициста (и это хорошо показал Б. Мейлах) является его постоянное использование художественной литературы, как идейного оружия в борьбе с врагами.

К тому, что Б. Мейлах говорит об использовании Лениным образов Грибоедова, Гоголя, Некрасова, Щедрина, хочется добавить Чехова, — достаточно вспомнить ленинские слова о «политических «человеках в футляре» или о «социал-демократической душечке», меньшевике Старовере, о котором Ленин писал: «Приветствуемый «Освобождением» тов. Старовер продолжает в новой «Искре» каяться в грехах, содеянных им (по неразумию) участием в старой «Искре». Тов. Старовер очень похож на героиню чеховского рассказа «Душечка». Душечка жила сначала с антрепренером и говорила: Мы с Ваничкой ставим серьезные пьесы. Потом жила она с торговцем лесом и говорила: Мы с Васичкой возмущены высоким тарифом на лес. Наконец, жила с ветеринаром и говорила: Мы с Количкой лечим лошадей. Так и тов. Старовер: «Мы с Лениным» ругали Мартынова. «Мы с Мартыновым» ругаем Ленина. Милая социал-демократическая душечка! в чьих-то об'ятиях очутишься ты завтра?»

Книга Б. Мейлаха насыщена большим конкретным историко-литературным материалом. Автор стремится итти за Лениным, указывавшим, что «весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически, (в) лишь в связи с другими, (с) лишь в связи с конкретным опытом истории».

Есть в книге Б. Мейлаха и немало спорного, а кое-что и просто неверно.

В предисловии автор правильно говорит о том, что «ленинская периодизация положена в основу построения истории русской литературы». Но в самой книге этот важнейший для всей нашей историко-литературной науки вопрос не освещен.

Возражение вызывает характеристика А. Н. Веселовского, которого автор приводит в качестве примера... «бессознательного приближения к историческому материализму».

Недостатком работы является то, что голос исследователя звучит порой сухо и академично. Отрывки из ленинских работ — изумительно яркие, живые, играющие всем богатством интонаций и оттенков — еще больше подчеркивают это.

Книга Б. Мейлаха «Ленин и проблемы русской литературы», бесспорно, является лучшей работой на эту тему. Впервые проблематика ленинских работ, связанных прямо или косвенно с вопросами русской литературы, раскрыта так глубоко и последовательно на конкретном историко-литературном материале.

Эта книга — шаг вперед нашей советской литературной науки, свидетельство ее силы и роста.

***

...В воспоминаниях Горький приводит свой разговор с Лениным в первые годы революции о советском литературоведении.

«Я говорил, — пишет он, — что... считаю совершенно необходимым организацию Литвуза с кафедрами по языкознанию, иностранным языкам — Запада и Востока, — по фольклору, по истории всемирной литературы, отдельно — русской.

— Гм-гм, — говорил он (Ленин) прищуриваясь и похохатывая. — Широко и ослепительно! Что широко — я не против, а, вот — ослепительно будет, а? Своих-то профессоров у нас нет по этой части, а буржуазные такую историю покажут... Нет, сейчас нам этого не поднять. Годика три, пяток подождать надо».

Как много завоевано с тех пор советскими литературоведами! Есть у нас теперь наши советские вузы, где идет глубокое, напряженное изучение и фольклора, и языкознания, и истории всемирной литературы, и отдельно — русской. Есть у нас теперь свои советские профессора, которые двигают вперед литературную науку в беспощадной борьбе с эпигонами буржуазного либерализма, с которыми всегда воевал Ленин — без пощады и снисхождения.

М. ПАПАВА

ЛЮДИ В СТЕПИ

Радостно видеть, что каждый год все новые и новые имена появляются среди писателей, отмеченных Сталинской премией. Это свидетельство здоровья и неуклонного движения вперед нашей советской литературы.

Среди лауреатов 1947 года — молодой писатель Виктор Авдеев. Он получил премию третьей степени за повесть «Гурты на дорогах». Сюжет этой повести, казалось бы, очень несложен. Это рассказ о том, как в дни наступления немецких полчищ животноводческий совхоз «Червоный херсонец» был переброшен из украинских степей в донские. Движение гуртов скота по дорогам войны, степь, меняющая свой покров от летнего убранства до первых заморозков, и люди, советские люди, самоотверженно выполняющие свой долг перед Родиной, — показаны в этой повести.

Авдеев нигде не переходит в авторские ремарки и рассуждения, но в самом развитии повествования, в этом неуклонном и успешном продвижении гуртов из украинских степей в донские рождается образ направляющей и организующей воли государства.

Именно поэтому так спокойно и уверенно могут выполнить люди «Червоного херсонца» свой долг. Эвакуация в изображении Авдеева — не паника, не отчаяние, это — осуществление всесторонне продуманных и разработанных планов.

«Гурты на дорогах» — так назвал свою повесть В. Авдеев. Однако мы не случайно озаглавили нашу статью «Люди в степи». Именно люди и составляют предмет пристального внимания молодого писателя. Поставив их в труднейшие обстоятельства, Авдеев правдиво и поэтично показывает крепость и внутреннюю душевную чистоту наших людей, способность их до конца, без остатка отдать себя служению Родине, выполнению долга.

Старший зоотехник Веревкин, директор Козуб, совсем еще юная ветфельдшерица Галя Озаренко, один из табунщиков Омелько, старуха-скотница Параска,—все они как бы внутренно раскрываются перед нами, прогоняя свои гурты по дорогам войны. В повести нет ни тени дидактизма или декларативности. Но как превосходно использует Авдеев каждое происшествие и случай, возникающие на пути движения стада, чтобы рассказать о внутреннем мире своих героев, и как взыскателен и по-хорошему придирчив автор к ним. Высокое чувство ответственности за судьбы Родины и личная ответственность каждого за порученное ему дело — вот требования, которые пред'являет писатель своим персонажам. Хмурый и немногословный Веревкин становится подлинным героем повести не потому, что автор решил наделить его тьмой положительных качеств, а потому, что каждый раз, когда Веревкин что-то решает и что-то делает, мы соглашаемся с ним. Он работает и живет во время войны с максимальной требовательностью к себе. Кривоногий и неказистый на вид табунщик Омелько кажется нам удивительно красивым, когда он отвлекает на своей лошади погнавшегося за ним немецкого аса, тем самым отдаляя его от стада. Старуха Прасковья, рискнувшая отстать от движения гуртов, чтобы выходить нового бычка, рождающегося в заброшенной балке, движима тем же чувством высокой личной ответственности каждого в дни величайших испытаний, пережитых народом, Родиной.

В Веревкине, в директоре Козубе, в Омельке, Прасковье мы видим подлинную душевную красоту советского человека. А вот Кулибаба — другое дело: если бы не война, может быть, мы и не узнали бы до конца его настоящую цену. А сейчас мы видим, как едет дорогами войны обыватель, для которого личное благополучие и покой превыше всего. Оказывается, он лишь служил при социализме, а не строил его. И не случайно он со своей рыхлой женой, бросив стада, исчезает в неизвестном направлении.

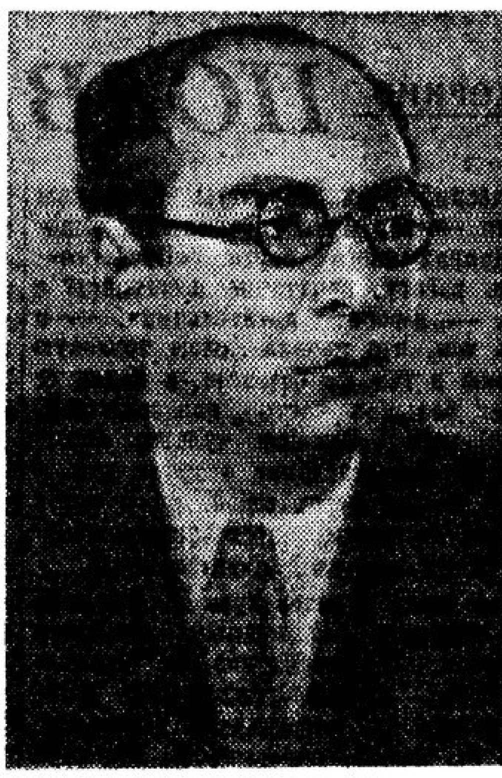
И читатель с презрением отвернется от этой фигуры. Он отбросит и потребительскую философию Упеника, уверенного в себе снабженца, который оказывается пошляком, себялюбивым человеком.

Может показаться, что в повести личные отношения Веревкина, Гали Озаренко и Упеника — лишь обычный любовный треугольник. Нельзя же, дескать, все про стада. Но это не так. Внимательно присмотревшись к этой линии, мы увидим, что и здесь взыскательный автор испытывает свою молодую героиню, испытывает с пристрастьем, как бы она ему ни нравилась. Ее временное увлечение находчивым, дерзким и красивым Упеником сменяется в конце пути брезгливостью к его маленькому и пошлому внутреннему миру. Чувство, возникающее под конец у Галины к Веревкину, основано на восхищении перед большим и принципиальным советским человеком, перед его душевной чистотой и силой. Галя научилась отличать сорняки от настоящих людей. Она взрослеет в этом путешествии. Рождается новый советский человек.

Степь, на фоне которой идет повествование, — тоже своеобразное действующее лицо. Пейзажи степи, отлично удающиеся писателю, органически входят в повесть. Этот фон степи, неторопливо меняющей свои уборы, придает какую-то особую и эпическую достоверность повести о великом подвиге простых советских людей.

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

И. Б. Маклярский



К. Ф. Исаев

М. Ю. Блейман

Л. СЛАВИН

С ПОЗИЦИЙ ЖИЗНИ

Творческий путь Бориса Галина отличается редкостной цельностью. Он никогда не изменял однажды избранному жанру. Очерк, только очерк, ничего, кроме очерка. От книги к книге («Переход», «Испытание», «Бог войны») росло его мастерство.

Последними своими произведениями, удостоенными Сталинской премии, очерком «В Донбассе» и в особенности документальной повестью «В одном населенном пункте», Борис Галин доказал, что никакой жанр не ставит пределов ни творческому воображению, ни правдивости описаний, ни совершенству изобразительных средств.

«С позиций жизни» — так называется одна из глав очерка «В Донбассе».

Эти слова могут быть эпиграфом ко всему творчеству Бориса Галина.

«Активное вторжение в жизнь предполагает, — формулирует Галин свое писательское кредо в очерке «В Донбассе», — что и сам литератор—не пассивный созерцатель и регистратор происходящего, а человек, идущий впереди, боец передовой линии огня».

Так же оценивает он и своих героев. Их положительность или отрицательность определяется для Галина степенью их жизненной активности, их качествами борца.

«Чего ему нехватает? — спросил Егоров. И он долго молчал, размышляя над тем, чтобы найти правильный ответ. — А вот чего,—сказал Василий Степанович и повернулся ко мне. — А вот чего, — повторил он, — уменья видеть жизнь в движении» («В одном населенном пункте»).

Герой очерка «В одном населенном пункте» «штатпроп» Пантелеев видит свою задачу в том, «чтобы люди, которым я читаю лекции, почувствовали горячий отблеск жизни».

Годы вражеской оккупации другой персонаж того же произведения определяет, как «паузу в жизни»:

«Какая это была мрачная, тяжелая пауза в жизни человеческой!.. Человек должен жить и творить, а не прозябать. Жить и творить!»

Борис Галин—писатель политический в каждой своей строке.

Известно, что «не политических» писателей нет. Самая аполитичность является не чем иным, как политической платформой. Нежнейшие лирические «шопот, робкое дыханье, трели соловья» были для Фета выражением его антиобщественного отношения к жизни.

Художественная публицистика Бориса Галина пронизана яркой политической тенденцией писателя-коммуниста. И этот страстный политический накал сообщает его произведениям силу художественной выразительности.

Портрет районного пропагандиста Пантелеева — одно из удачнейших созданий Галина. Это человек неутомимой энергии. Он всегда на самом трудном участке работы, всегда с людьми, помогает им, учится у них. С большой художественной силой показал Б. Галин руководящую роль партии в воспитании советских людей.

Реалистический талант Галина формировался на стройках великих сталинских пятилеток. Никогда производственные процессы не имели для него, в отличие от некоторых других писателей, самодовлеющего значения. Не мертвая поэзия техницизма, не бездушно-«живописное» изображение гигантских агрегатов, — а человек, живой советский человек, растущий, борющийся, побеждающий, стоит в центре его пристального писательского внимания. Отсюда увлекательность произведений Галина.

Не сюжетом, не хитросплетениями интриги держит он читателя, а тем, что современник узнает себя на этих страницах. Нравственная сила советских людей, их повседневный патриотический подвиг, их партийность, изображение которой особенно удается Галину, сообщают неотразимую привлекательность его героям, будь то инженер Андреев, или пропагандист Пантелеев, или старый горный мастер.

Галин умеет тонко оттенить душевное свойство, в высшей степени характерное для советского человека: соединение трезвой практической деловитости с высокой романтической настроенностью.

Как часто герои Галина пишут стихи!

«Ближе к жизни и чуточку больше поэзии...» — говорит один из них.

У пропагандиста Пантелеева сохранилась еще со времен первой пятилетки «...тетрадь в клеенчатом переплете. Сюда я заносил свои заветные мысли. На первой странице клеенчатой тетради было записано: «Жить просто—мыслить возвышенно». А ниже вторая запись: «Когда хочешь — все достижимо».

Тетрадь эту Пантелеев пронес сквозь все жизненные скитания.

Участник первых социалистических строек, боец Отечественной войны, Пантелеев в наши дни приезжает на одну из шахт, чтобы провести беседу с рабочими.

«Я вынул из своей полевой сумки конспект доклада. Вместе с конспектом из сумки выпала моя старая тетрадь в клеенчатом переплете, на первой странице которой было написано: «Если хочешь — все достижимо». На записях лежал далекий отсвет эпохи первых сталинских пятилеток.. Прямо передо мною на стене висела карта с военной обстановкой весны 1945 года... Я воскрешаю в своей памяти прошлое—наше прекрасное прошлое, те корни жизни, от которых мы, молодое поколение, растем, и ключом к беседе я беру записи моей далекой юности. — Вот перед нами страна, — говорю, я, — Барбюс назвал ее страной сознания и долга. Вот она, с ее жаждой истины, с ее энтузиазмом, с ее весной. Она выделяется на карте мира не только тем, что нова, но и тем, что чиста...»

Среди читательских откликов на очерк Галина «В одном населенном пункте» есть одно письмо, в котором мы читаем:

«18-е июня... Написала эту дату (годовщина смерти Горького) и вспомнила о Максиме Горьком — и мне кажется, он бы похвалил вас...».

Да, великий художник приветствовал бы зрелое мастерство очеркиста Бориса Галина, ранние опыты которого он встретил когда-то с таким вниманием.

Впервые в лице Бориса Галина удостоен Сталинской премии жанр очерка.

Это высокое признание по праву вводит очерк в ряды большой литературы.

Александр ИВИЧ

ИЗМЕНЕННЫЙ МИР

Страна в стремительном движении. За тридцать лет неузнаваем стал ее облик. Промышленность не только выросла, — переместились ее центры. Раскрыты богатства недр, поставившие СССР на первое место в мире по важнейшим ископаемым. Zапвели пустыни, осушены болота, выращены новые леса и новые плодовые деревья. Снимаются невиданные урожаи с полей.

Как охватить одним взглядом все эти перемены?

Карта. Кружочки новых городов, голубые линии новых каналов и новых речных русел, черные линии новых железных дорог, значки новых заводов, фабрик и рудников.

Н. Михайлов прочел карту Родины точно, умно и поэтично. Его книга, говоря формально, — географическая; на самом деле, она шире: это история великого тридцатилетия, отраженная в географии.

В книге — факты, только факты, но в каждом из них отражаются характер и целенаправленность созидательного труда, его социалистическое содержание. Речь в книге идет о стали и рыбе, о нефти и пшенице, о новых путях сообщения и о льдах Арктики, и все же «Над картой Родины» — это книга не о вещах, а о людях, не о мертвой, статичной географии, а о созидании нового облика страны. В книге есть герой. Этот герой — народ-созидатель.

Н. Михайлов сумел показать взаимную связь самых различных участков нашей страны. И это очень важно. Ведь каждый из нас вносит свой вклад в какую-то одну область общего дела, читает книги, смотрит пьесы и фильмы об отдельных участках работы. О чем бы ни рассказывал Михайлов, он все время заставляет читателя видеть страну в целом.

Найти и отобрать множество интереснейших сведений, собранных в книге, мог только ученый с очень разносторонними знаниями. Воздвигнуть из них цельное здание мог только художник, взглянувший на карту не бесстрастным академическим взглядом, а взглядом патриота, участника пересоздания этой карты.

Факты, приведенные автором, настолько значительны, что они не иллюстрируют, а излагают тему книги. В сопоставлении, в столкновении они рождают публицистическое звучание книги.

В книге Михайлова есть романтика народного труда, показанного как подвиг. Эта романтика не затерялась, не растворилась в тысяче фактов, сообщенных автором. Она усиливает страсть к продолжению великого дела. В этом воспитательное значение книги «Над картой Родины», одного из лучших произведений научно-художественного жанра, в котором советские писатели сказали новое в мировой литературе слово.

С. ТРЕГУБ

ГЕРОИ И ГЕРОИЗМ

Прошедшим летом в Симферополе я видел картину художника М. Щеглова: городская улица, на углу — немецкий патруль и шпик, стена дома оклеена приказами немецкой комендатуры, по тротуару движется старик-стекольщик. На нем старое, замасленное, рваное пальтишко, облезлая шапка-ушанка. Одной рукой он опирается на палку, в другой руке — ящик с инструментом, куски стекла.

Старик-стекольщик — это Иван Андреевич Козлов, автор уже известной стране книги «В крымском подполье». Ему шестьдесят лет. В большевистской партии — с 1905 года. Крымское подполье времен Отечественной войны — его шестое подполье: он активно работал в большевистской партии в период царской реакции, затем в Екатеринославе и Николаеве — при немцах и петлюровцах; был членом подпольного ревкома в Севастополе, когда там хозяйничали англо-французские интервенты и белогвардейцы; в 1919 году при Деникине был секретарем Харьковского губернского подпольного комитета и, наконец, во время Отечественной войны стал одним из руководителей крымских большевиков.

Эти биографические данные необходимо привести потому, что И. А. Козлов не только автор книги. Как бы скромно ни писал он о себе, как бы ни старался остаться в тени, — мы не можем не ощутить в нем героя этой книги, несгибаемого большевика, беззаветно преданного делу Ленина—Сталина.

Война застала Козлова в московской глазной клинике. Он выписался досрочно, после тяжелой операции, получив строгий наказ: не заниматься физическим трудом, не читать, не писать, не волноваться, быть под постоянным наблюдением врача. У него сохранилось пятнадцать процентов зрения. Почти слепой старик. По радио он услышал речь товарища В. М. Молотова и понял, что каждому нужно торопиться «на свое место». Козлов возвратился к месту своей работы — в Симферополь. Ему предложили эвакуироваться вместе с женой и детьми. Он категорически отказался.

Началась эпопея героической подпольной борьбы против фашистских оккупантов. Самые рядовые советские люди втягивались в эту борьбу не на жизнь, а на смерть. Они проявляли невиданный в истории героизм.

Александра Андреевна Волошинова — она же «Муся» — до прихода немцев преподавала географию в школе. И вот мы видим, как она идет по городу, а в ее «авоське» меж картошкой и луком лежат аккуратно завернутые в тряпку магнитные мины и листовки. Вокруг этой отважной женщины об'единилось больше пятидесяти патриотов: они вели разведку, устраивали диверсии, помогали выручать военнопленных, распространяли листовки.

Беспартийный рабочий обувной фабрики — сапожник Семен Филиппович Бокун превратил свою мирную квартиру в место подпольных явок.

Рядовая советская женщина Аннушка Наумова скрыла у себя бежавшего из гестапо раненого комиссара полка.

Сергей Шевченко — бывший инструктор физкультуры — устроился весовщиком в отделении Заготзерна. Жена его Ольга Федоровна — домашняя хозяйка. Муж возглавил одну патриотическую группу, жена — другую.

Огромную роль играла молодежь: Борис Хохлов, Николай Долетов, Лида Трофименко, Женя Семняков, Зоя Рухадзе и т. д. и т. д. Они тоже ничем особенным не выделялись из общей массы советской молодежи. Секретарь подпольной комсомольской организации и ее комиссар Боря Хохлов искренне смутился, когда однажды, говоря об их деятельности в немецком тылу, Козлов произнес слово «героическая». Все, что они делали, казалось ему естественным, само собой разумеющимся.

Подобно людям старшего поколения, они бесстрашно жертвовали своей жизнью во имя спасения Родины. Многие из них погибли в застенках гестапо.

Познакомившись и сдружившись со всеми героями крымского подполья, узнав их жизнь, мы постигаем и то главное, решающее, что определило линию их поведения и сделало их действительными героями нашего времени.

Разгадку их героического поведения нужно искать в той всеобщей социалистической закономерности, которая делает обычного, рядового советского человека хозяином, строителем и борцом, готовым итти на любой подвиг во славу социалистической отчизны.

Партия большевиков направляла деятельность всех этих людей, поднимала их, вела. Книга о крымском подполье озарена пафосом партийности. Козлов рассказывает о том, как крымские большевики в тяжелые дни, когда враг приближался к Крыму, организовали будущее подполье. Это было сделано основательно, умело. Автор не скрывает промахов, неудач. Были и трусы, и провокаторы. Но им противостояла крепко сколоченная, хорошо руководимая организация.

Коммунистическую партию в мемуарах И. А. Козлова представляют многие борцы, и в том числе «Андрей»—автор воспоминаний.

Перед нами раскрывается образ старого большевика, мастера подпольной борьбы, который действует, основываясь на огромном опыте, руководствуясь ясным партийным чутьем. Его нелегко провести, не так-то просто заманить в ловушку. Он искусно минует все засады, расставленные врагом. Он хорошо разбирается в людях и безошибочно судит о них, об их возможностях. Он находит ключ к сердцу каждого члена своей организации, будь то уже зрелый, много испытавший человек или совсем еще юный, легко увлекающийся комсомолец.

Взаимоотношения «Андрея» с комсомольцами, действовавшими в крымском подполье, — образец того, как партия руководила работой молодежи во вражеском тылу. Книга посвящена памяти погибших. Но, вспоминая прошлое, автор думал о настоящем и будущем.

«Пусть их светлый образ и героические дела послужат примером для нашей славной молодежи в борьбе за торжество коммунизма».

КНИГА О МУЖЕСТВЕ ЛЕНИНГРАДЦЕВ

Иван АРАМИЛЕВ

Конец августа 1941 года. Группа мужчин и женщин роет на подступах к Ленинграду окопы. Под артиллерийским и минометным обстрелом врага, под дождем и холодным ветром люди работают ожесточенно. К вечеру окопы готовы, однако они никому не нужны. Армия отступает, не задерживаясь на этом рубеже. Строители с горечью смотрят на отступающих. Бойцы велят им уходить, потому что уже отходит последнее прикрытие, и они, вскинув на плечи кирки и лопаты, шагают по дороге в город.

Завтра им придется рыть окопы на новом рубеже. С каждым днем сжимается кольцо вокруг родного города. Враг бросил на штурм Ленинграда отборные дивизии головорезов, массу военной техники.

Мария Николаевна Смолина, архитектор по профессии, добровольно выходившая на рытье окопов, отстала от подруг. Она шагает по обочине, стараясь ни о чем не думать, не вспоминать. Крыло грузовика задевает ее. Она отскакивает в сторону и бредет одна по вязкой грязи, всхлипывая и качаясь — то ли от усталости, то ли от стыда и отчаяния.

Так начинается роман Веры Кетлинской об осаде Ленинграда. Осада. Как много выражено одним словом. Это—непрекращающийся артиллерийский обстрел города, это — тучи «юнкерсов» в небе, оглушительные взрывы фугасок, тысячи зажигательных бомб на крышах, это — отсутствие газа, электричества, топлива, замерзшие и лопнувшие водопроводные трубы. Наконец, это — голод. Голод длительный, беспощадный, уносящий ежедневно множество жертв.

Изображению быта осажденных в романе отведено немало страниц. Есть сцены, потрясающие своим драматизмом, трагичностью. Однако страницы эти не вызывают безнадежного уныния. Они пронизаны скорбной и в то же время жизнеутверждающей, мужественной мелодией.

Общеизвестна роль коммунистов в защите Ленинграда. Партийная организация города была основой обороны, поднимала боевой дух народа, воспитывала в нем волю к сопротивлению, волю к победе над врагом. В. Кетлинская показывает коммунистов на самых опасных участках обороны города, как вожаков, командиров, организаторов, пропагандистов.

Главный герой романа — народ, защищающий город Ленина. Это отнюдь не значит, что Кетлинская изображает ленинградцев сплошной массой в колоннах или шеренгах. Она дает образы-портреты отдельных наиболее типичных представителей города-героя.

Мы видим командующего Ленинградским фронтом, командиров дивизий, полков, славных летчиков, отважных танкистов Кривозуба и Алексея Смолина, ополченца Юрия Музыканта, бурного и порывистого капитана Каменского, командира партизанского отряда Гудимова, неустрашимого шофера Соню, директора танкового завода, партизанскую разведчицу Ольгу Трубникову, рабочих, инженеров, секретаря райкома Пегова, домашних хозяек, девушек из отрядов ПВО и множество других персонажей.

Эти люди порою очерчены бегло, несколькими штрихами, без биографий и психологического анализа, иногда они даже не названы по именам, как седой рабочий-ополченец или вдова, мать троих детей, добровольно выходящая на уборку города, — но они запоминаются, живут на страницах романа, потому что показаны в действии, в героических деяниях, обрисованы не равнодушным пером ремесленника от литературы, а советским писателем.

Вера Кетлинская создавала роман не по архивным документам. Она сама пережила с героями романа все трудности, все ужасы блокады, познала все величие и радость победы. И она любит этих героев настоящей, взволнованной любовью художника, стремящегося запечатлеть в романе неповторимую патетику великой битвы.

Роман «В осаде» не лишен недостатков. Бросается в глаза кое-где фрагментарность повествования, очерковый схематизм. Трудно согласиться с некоторыми рассуждениями героев о причинах наших временных неудач в 1941 году, о природе героизма советского человека. Капитан Каменский об'ясняет отступление Советской Армии тем, что наши люди не были подготовлены к войне, что до войны молодежь не знала трудностей, не имела закалки. Герой Советского Союза танкист Кривозуб уверяет, что отличительная черта русского национального характера — добродушие и неторопливость. А как разбередит до сердца, русак поведет плечами, да развернется, да размахнется, да ка-ак ахнет! По мнению Кривозуба, наши неудачи 1941 года обусловлены тем, что у бойцов Советской Армии не «раззудилось» плечо, не «размахнулась» могучая рука для сокрушающего удара. Приведя эти заявления своих героев, писательница не оспаривает их, не показывает, что они ошибочны. Печатью авторской торопливости отмечены фронтовые эпизоды и сцены, посвященные изображению деятельности партизанского отряда в тылу врага.

Однако, несмотря на недостатки, роман «В осаде» — интересное, значительное произведение. Вера Кетлинская с наибольшею обстоятельностью, чем кто-либо из ее предшественников в разработке этой темы, показала Ленинград в суровые дни блокады, великолепное мужество жителей города Ленина, чистоту их помыслов, их благородное презрение к смерти, несокрушимую волю к жизни и победе, преданность Родине, партии, Сталину.

Победа советской кинематографии

Р. ЮРЕНЕВ

Семь художественных и шесть документальных советских фильмов удостоены Сталинских премий. Тринадцать произведений горячего и правдивого, боевого и человечного — нашего советского киноискусства получили всенародное признание.

Когда пытаешься мысленным взглядом охватить сюжеты и героев лучших фильмов 1947 года, образ огромной, юной, солнечной страны встает перед тобой. Берега этой страны омываются волнами многих морей и океанов. С высоких гор видны дремучие леса и бескрайние плодородные пашни. Строятся города, работают заводы, колосятся хлеба, в ясном небе летят краснозвездные самолеты. Все это создано творческим трудом гордого, свободного, непобедимого советского человека. Родина, народ — главная тема и главный герой всех тринадцати фильмов.

Они созданы художниками различных творческих индивидуальностей, в разных жанрах, разнообразными художественными средствами. Это говорит о силе единого метода, породившего эти фильмы, — метода социалистического реализма, который позволяет художнику во весь голос сказать правду о действительности, вдохновившей его.

1947 год был годом творческого под'ема и перестройки работы советской кинематографии. Партия призвала советских художников решать основные вопросы современности, обогащать средства художественной выразительности, большевистской идейностью осветить свое отношение к жизни, сделать искусство активным строителем коммунизма.

Премированные фильмы говорят о том, что советское киноискусство уверенно идет по правильному пути. Как окрепло мастерство драматургов, сумевших дать ясные, правдивые и увлекательные картины современности и истории, создать благородные и привлекательные образы людей — преобразователей, строителей, творцов! Сколько страсти, наблюдательности и искусства проявили актеры, воплотившие эти образы. Как изобретательно и правдиво запечатлели операторы и художники черты жизни разных народов и эпох. И как убедительно и гармонично об'единили режиссеры творческие усилия своих коллективов в единые, целостные произведения.

Пафос побед в боях и в социалистическом строительстве ощутим с особенной силой в картине И. Пырьева, Е. Помещикова и Н. Рожкова «Сказание о земле сибирской». Этот радостный, жизнеутверждающий фильм, в котором сверкают краски родной русской природы, воссозданные оператором В. Павловым, звучат чудесные русские песни, записанные композитором Н. Крюковым, говорит о плодотворной творческой силе советского человека. Светлые образы молодых советских людей создали артисты М. Ладынина, В. Дружников, Б. Андреев, В. Васильева.

Герой фильма молодой композитор Балашов свою ораторию — плод побежденных сомнений и преодоленных трудностей—посвятил народу. В этом сила произведения Балашова.

Всю свою жизнь отдала народу, неся свет знания простым крестьянским детям, скромная русская женщина, сельская учительница Мартынова. И когда прогремел Октябрь, как расцвела ее жизнь, какую значительность приобрело ее дело! Вместе с народом она победила и в революции, и в борьбе за коллективизацию, и в Великой Отечественной войне. Творчество драматурга М. Смирновой, режиссера М. Донского, оператора С. Урусевского дало возможность актрисе В. Марецкой создать образ истинно русской и истинно советской женщины — сильной, чистой, мудрой, как ее Родина.

Гневно звучит фильм «Русский вопрос», направленный против темных, антидемократических сил, приобретающих все большее влияние в странах капитализма. В талантливом фильме М. Ромма и его коллектива (оператор Б. Волчек, художник С. Мандель, артисты В. Аксенов, Е. Кузьмина, Б. Тенин, М. Астангов, М. Названов) правдиво изображены враги американского народа, враги мира и демократии.

Искусство самой Америки не смеет сказать своему народу правду, — и в этом основная причина вырождения, деградации американского искусства.

В то время как правдивые, идейные, жизнеутверждающие советские фильмы завоевывают все большую аудиторию среди народов Запада и Востока, Голливуд наводняет экраны мира откровенно фашистскими, человеконенавистническими фильмами, мрачными, безнадежными рассказами про сумасшедших, алкоголиков и убийц, пустыми, пошлыми и глупыми ревю.

Неудивительно, что голливудские картины с треском проваливались на всех послевоенных международных кинофестивалях. Перед лицом зрителей всего мира одерживали победы советские фильмы.

К какому бы материалу ни обращались наши кинематографисты, — они искали выражения идей патриотизма, творчества, прогресса. В далеком XV веке жил и творил великий узбекский поэт и государственный деятель Алишер Навои. Он мечтал о государстве разума и воспевал подвиг Фархада-строителя, давшего воду народам среднеазиатских пустынь. В фильме, созданном узбекскими мастерами К. Ярматовым, А. Исматовым и Р. Хамраевым, образ Навои несет бессмертную идею о служении искусства народу.

Передовую науку поставил на службу народу великий русский хирург Пирогов. В фильме режиссера Г. Козинцева (сценарий Ю. Германа) рассказано несколько эпизодов борьбы этого ученого-патриота против иноземных шарлатанов, борьбы, выигранной в холерных лазаретах, в госпитальных палатах и на полях сражений обороняющегося Севастополя. Оператор А. Москвин и художник Е. Еней воссоздали атмосферу эпохи, в которую жил замечательный ученый, образ которого проникновенно изобразил артист К. Скоробогатов.

Советские люди победили в Великой Отечественной войне. Они победили благодаря превосходству своего общественного строя, превосходству своих моральных качеств, воспитанных партией большевиков. Поэтому в фильме «Подвиг разведчика», рисующем один из эпизодов боевой деятельности советской разведки, офицер-коммунист, заброшенный в глубокий тыл противника, побеждает в смертельной схватке с фашистами, уверенный в своей правоте, в непобедимости своего народа. Сценаристы М. Блейман, К. Исаев, И. Маклярский, режиссер Б. Барнет, художник М. Уманский и артист П. Кадочников, показали социалистические качества характера советского человека, как основу героического подвига.

В годы боев за свободу и независимость Родины каждый честный человек должен был найти свое место в рядах сражающегося народа. Ученый Мийлас, которого политика буржуазных правителей Эстонии заставила замкнуться в цитадели индивидуализма, должен был притти к своему народу, борющемуся против фашизма рядом с великим русским народом. Коллектив артистов Эстонской ССР (Х. Лаур, Л. Лаатс, Л. Раяла) под руководством режиссера Г. Раппопорта создал первый национальный эстонский фильм «Жизнь в цитадели».

Во всем мире только советское кино породило и вырастило замечательный вид кинопублицистики — документальные фильмы, свидетельствующие о яркой, красочной жизни нашей страны.

Операторы-документалисты, среди которых отмечены Сталинской премией за 1947 год В. Фроленко, Р. Халушаков, А. Кричевский, К. Богдан, В. Доброницкий, С. Семенов, Б. Соколов, А. Семин, Б. Макасеев, М. Ошурков, А. Щекутьев, Н. Вихирев, И. Беляков, М. Трояновский, умеют увидеть и заснять наиболее характерные эпизоды нашей действительности. Они снимают с выразительностью и лаконизмом подлинных живописцев.

Режиссеры хроникально-документальной кинематографии вместе с писателями — авторами сценариев и дикторского текста— создают фильмы, посвященные наиболее животрепещущим проблемам и событиям современности.

О восстановлении и росте промышленности и сельского хозяйства цветущей Советской Украины, о ее передовых людях рассказывает цветной фильм режиссеров М. Слуцкого и Г. Тасина. Наряду с фильмом Л. Кристи и С. Гурова «Советская Латвия» он продолжает серию документальных картин о советских социалистических республиках, серию, значение которой высоко оценено зрителями всех национальностей Советского Союза.

О славной 800-летней истории нашей столицы и о ее социалистической молодости говорит фильм «Москва — столица СССР» Л. Степановой, Ф. Киселева и И. Бачелиса. Фильм праздничен, торжественен и вместе с тем сердечен и прост. Праздничным событиям в жизни советского народа посвящены также фильмы «День воздушного флота СССР». В. Бойкова и «Всесоюзный парад физкультурников 1947 года» И. Венжер и С. Бубрика. Парады грозной воздушной армады и счастливой, здоровой юности даны во всем богатстве красок. В народном ликовании, в избытке сил, радости, красоты, чувствуется дыхание повседневного счастливого труда, творческого вдохновения великого народа, строящего коммунизм и готового сокрушить все, что помешает его величественному подвигу.

Вдохновленные идеей Горького — о поучительности изображения одного дня жизни страны, режиссеры И. Копалин и И. Сеткина-Нестерова, писатель Б. Агапов и инженер Е. Пофис создали «День победившей страны» — цветной фильм о труде советских людей во всех концах нашей Родины.

Пять из тринадцати фильмов — цветные. Новое могучее изобразительное средство полностью освоено нами и с художественной и с технической стороны. Цвет в советских фильмах — полноправный компонент, позволяющий ярче выразить идейную сущность произведения.

Самое массовое из искусств — кино одержало новые творческие победы в славном деле правдивого и высокохудожественного изображения нашей социалистической действительности. Среди художников, удостоенных Сталинской премии, — опытные первоклассные мастера и талантливая молодежь. Среди студий, выпустивших премированные фильмы, — старейшие творческие коллективы Москвы и Ленинграда и национальные студии Украины, Узбекистана, Эстонии и Латвии.

Успехи 1947 года обязывают к еще большим успехам в 1948 году.

Создавать фильмы, достойные народа, достойные сталинской эпохи, — почетная обязанность наших кинематографистов.

Е. ДОЛМАТОВСКИЙ

В ГОЛОВЕ КОЛОННЫ

Обычная биография ровесника Октября: Александр Гончар был пионером на Полтавщине, потом стал корреспондентом пионерской газеты, перед войной учился в университете, а в сорок первом добровольцем ушел на фронт, служил в минометной роте, был ранен и контужен, вернулся в строй, прошел с войсками, как освободитель, по полям и городам Европы. Он делил свою судьбу с Советской Армией, о которой так поэтично сказал во вступлении к первой книге романа: «У справедливых армий судьба всегда прекрасна». В сорок пятом демобилизовался в звании старшего сержанта. Вернулся домой на Украину с почетными наградами на груди — орденом Славы, тремя медалями «За отвагу». Снова пошел в университет — на физмат.

Не знаю, каковы успехи Гончара в области физики и математики, но, еще сдавая зачеты на последнем курсе, старший сержант запаса написал первую часть книги, которой суждена большая судьба.

«Знаменосцы» — замечательная книга. В ней не просто собраны впечатления и переживания солдата: герои книги — Хаецкий, Брянский, Багиров, Сагайда, Черныш и другие — по всему своему существу мирные советские люди, с чистой душой и ясным взглядом. Потому они — и хорошие солдаты.

Хаецкий, Багиров, Брянский—они уже стали любимыми героями у читателя. Превосходство советского человека над людьми затхлого буржуазного Запада видно во всех поступках и словах героев Гончара, находящихся вдали от Родины.

Один из героев Гончара сравнивает переход наших войск через Альпы и выход на Дунай с весенним ливнем: «Все после тебя, как после весеннего ливня: и воздух свежий, и земля зеленая...»

Именно такое впечатление производят герои «Знаменосцев», советские воины: от знакомства с ними светлее на душе.

Чудесен образ советского офицера Юрия Брянского — носителя высоких коммунистических идей. Брянский гибнет в Альпах, мы с горечью прощаемся с ним на страницах первой части романа. Но силою художника Гончар делает Юрия Брянского героем и второй части книги: о нем вспоминают, его ставят в пример, он обретает бессмертие в подвигах своих товарищей.

Хома Хаецкий — рядовой солдат, внутренний мир которого богат и многообразен. Пожалуй, в литературе последних лет это одна из наиболее ярких фигур.

И Брянский, и Хаецкий, и другие «знаменосцы» из романа Гончара — люди нового времени, люди советской эпохи.

Молодой писатель показал свое умение и в создании характеров, и в описаниях природы, и в батальных сценах.

В пути по Альпам и в битве на Дунае герои Гончара неразрывно связаны с Родиной, полны дум о ней, на все окружающее смотрят они глазами Родины, и это расширяет их кругозор, укрепляет их силы.

Роман Гончара глубоко патриотичен.

Очень важно еще одно обстоятельство: «Знаменосцы» написаны солдатом, — я говорю это не в переносном, а в прямом значении этого слова: рядовым солдатом, дослужившимся до звания старшего сержанта. Его книга отличается глубоким знанием жизни, в ней образы пережитого, а не просто наблюдаемого. Да, «Знаменосцы» Гончара—книга «бывалого человека». Но вместе с тем это книга талантливого, страстного писателя, умеющего видеть и глубоко осмысливать мир.

В манере Гончара есть любопытное свойство — он легко переходит от лирических описаний природы или батальных сцен к прямой, почти газетной публицистике. Публицистика и лирика в книге неразрывно связаны.

Гончар жаден и трудолюбив. Ему есть что сказать, и если уж он поднял руку на необозримом собрании своих читателей, он хочет говорить с ними долго, интересно, страстным языком советского человека.

Гончар написал уже новую книгу «Земля гудит» — о комсомольском подполье на Полтавщине. Эта вторая большая вещь, писателя с трехлетним стажем — серьезное испытание для него. Мы прочитали пока лишь часть новой книги Гончара, но ее уже хочется читать.

К сожалению, мне пока удалось узнать Гончара лишь по переводам. Но и перевод свидетельствует: Гончар пишет богатым и сочным языком. На последних поэтических дискуссиях высказывалась мысль о том, что проза влияет на поэзию и вносит в поэзию свои законы. Не углубляясь в этот спор, позволю себе высказать обратное предположение: не влияет ли поэзия на прозу в едином многоструйном потоке советской литературы?

«Знаменосцы» Александра Гончара — произведение поэтическое от первой до последней страницы. Столь же поэтичны многие произведения прозы, удостоенные Сталинской премии за 1947 год, — «Счастье» Павленко, «Кружилиха» Пановой, «Звезда» Казакевича, очерки Галина, книга Михайлова.

Поэтичность, большевистская страстность, глубина знания жизни и интересов народа — вот главные черты литературы эпохи социализма. Все больше появляется книг-знаменосцев великих идей нашего времени, и мы с радостью хотим повторить за командиром из романа Александра Гончара: «Знаменосцы, в голову колонны!..»

В. ИЛЬЕНКОВ

ВЕРА В НАРОД

Один из героев романа Ф. Панферова «Борьба за мир» старый мастер Иван Кузьмич Замятин — «долгодум и политик» — говорит сыну, инженеру Василию, провожая его на фронт: «Ступай! И везде помни, какая власть инженера тебе дала». Вот об этом — самом главном — крепко помнят все герои романа Федора Панферова: о советской власти, давшей людям жизнь и счастье. Василия Замятина она сделала инженером. Мужика Сиволобова поставила во главе колхоза, научила разумно жить, подняла его сознание на такую высоту, на которую не может подняться даже французский академик, приехавший из «культурной» Европы.

«—...полненький такой, любопытный, в моих годах, по названию Шарль, по фамилии, не помню... Все выпытывал у него, как и что. Рассказывает охотно и тоже любовно на меня посматривает. А потом и спроси: «Во имя чего вы, Петр Макарович, работаете и живете?»... Ошарашил!.. Во имя чего? Я, конечно, подумал и говорю на высокой ноте: «Работаю я, товарищ Шарль, во имя просветления мира. А живу? Живу для себя. А вы как изволите думать на это?» Ну, переводчик — ему, тот через переводчика — мне: «Живу я, слышь, и работаю во имя всевышнего». Я, знаешь-ка от него аж вот так откленился и думаю: Э-э-э! Милый! У нас пионеры дальше тебя на сотню лет убежали. Экая ржа у тебя в голове!»

Вот что сделала советская власть с мужиком Сиволобовым, в прошлом мелким собственником, который боялся и бога, и чорта, и засухи, и урядника, и барина, и царя, не жил, а мучился на земле. И этот бывший мужик Сиволобов, ставший солдатом Советской Армии, защищает свою Родину, не щадя своей жизни, потому что знает: не будет советской власти — не будет и жизни. Он воюет за то, чтобы на земле не было больше скверны.

«Карл Маркс еще говорил про нее, про скверну на земле. Мы ее со своей земли соскребли, скверну. А фашисты ее опять на нашу землю потащили...»

В образе солдата Сиволобова, созданном Федором Панферовым, показан наш советский человек, поднявшийся на защиту своей родной земли от скверны фашизма, его нравственная сила, воспитанная строем социализма.

Начальник политотдела армии Троскратов об'езжает перед сражением войска и думает с беспокойством: «Приготовлена ли душа бойца к этому решающему бою?» Да, приготовлена. И не только теми агитаторами, которых он, начальник политотдела, разослал во все полки и роты. Душа бойца приготовлена к решительному сражению за Родину всем социалистическим укладом жизни.

У героя романа «Бруски», мятущегося середняка Никиты Гурьянова, было две души: одна душа тянула назад, в мир частной собственности: другая душа — душа труженика—влекла его вперед, к социализму. У Сиволобова цельная душа свободного человека. Его уже никакой Муравией не соблазнишь, ибо он знает, что дома ему лучше, — дома, в своей советской стране, в своем колхозе, на своем заводе, он — хозяин, он — человек!

В романе «Борьба за мир» показана та непреоборимая сила социалистического строя, которая сделала непобедимым наш советский народ. С первой же минуты, как только грозная опасность нависла над Родиной, все советские люди сплотились вокруг Сталина. Вот они в жестокий буран выгружают станки на далеком Урале, обжигая руки о раскаленный морозом металл, живут в холодном бараке... Но нужно еще больше моторов для самолетов и танков, нужно их дать как можно скорей. Ночью на далеком уральском заводе раздается звонок телефона—говорит Сталин:

— Передайте товарищам, что... я очень прошу помочь стране. Очень прошу...

И люди откликнулись на этот призыв. Они работали по семьдесят часов подряд, не отходя от станков. Просьба товарища Сталина была выполнена — фронт получил четыреста моторов сверх программы.

Федор Панферов показал трудовой героизм советских людей, преодолевших неслыханные трудности войны. Директор завода Николай Кораблев, инженер, большевик, умеет организовать труд огромного и пестрого коллектива, поднять людей на борьбу за победу, потому что в каждом из них он видит такого же хозяина завода, как и он, и эту хозяйскую заботу о заводе он пробуждает в каждом человеке.

В романе «Борьба за мир» Федор Панферов утверждает нравственное превосходство людей социалистического советского общества над людьми старого мира. Однако наряду с передовыми людьми он показывает и тех, кто в минуту грозной опасности думал не о Родине, а о своем благополучии, как Ердёкин, и тех, кто «болен жорою высокого поста», как Гусев, и тех, кто кичится своими старыми заслугами, как Сосновский, который «некогда первый об'явил советскую власть на Поволжье», и тех, кто, подобно Макару Рукавишникову, «сидит не на своем стуле».

Но сила нашего социалистического общества состоит в том, что даже эти Сосновские и Рукавишниковы втягиваются в живое дело строительства новой жизни— в то дело, которое ведут вперед преданные родине Кораблевы и Иваны Кузьмичи, инженер, мечтатель Иван Иванович Казаринов и бывший старатель Звенкин, жертвующий золотой песок на добровольческий танковый корпус, генерал-лейтенант Горбунов и солдат Сиволобов, крестьянин Ермолай Агапов, который «впервые стал гражданином чистейшего государства», и кучер совхоза Савелий Раков, поджегший немцев в избе и сам гибнущий самоотверженно в огне этой избы.

«Всякое у меня было, — говорит Ермолай Агапов: — жене не верил, детям не верил, друзьям не верил, а в народ всегда верил». Вот этой непоколебимой верой в советский народ проникнут роман Ф. Панферова, и в этом главное достоинство романа. Книга не лишена недостатков. Они есть. О них справедливо говорила критика.

Однако эти недостатки не снижают основного достоинства книги, в которой автор отразил героический подвиг народа-труженика, народа-победителя.

Книги лауреатов Сталинских премий: В. Костылева «Иван Грозный», И. Козлова «В крымском подполье» и Н. Михайлова «Над картой Родины»

С. ЛИПКИН

Шаг в будущее

В тот год, когда весть об Октябрьской революции поднимала и воодушевляла затерянные в жарких песках туркменские аулы; когда вся Средняя Азия была оторвана от революционных центров России казачьими частями Дутова; когда буржуазные националисты из «кокандской автономии», закаспийские эсеры и белогвардейцы, феодалы разбойничьих ханств вроде пресловутого Джунаид-хана, многочисленные банды строили козни и заговоры против молодой, еще не окрепшей советской власти, — в это время в маленьком городе Теджене появился странный человек.

Черная папаха с длинными завитками, желтоватая рубашка, поверх нее хивинский шелковый халат, молочного цвета штаны и коричневые сапоги — наряд был явно туркменским, но облик незнакомца не походил на туркменский.

Чтобы узнать, кто был этот человек, нам придется заглянуть в доклад английского генерал-майора сэра В. Маллисона: «Британская военная миссия в Туркестане в 1918—1920 гг.». Вот что пишет генерал-диверсант на 17-й странице доклада:

«У меня было несколько прекраснейших офицеров, говорящих на нескольких языках, были агенты на расстоянии тысячи и более миль, даже в правительственных учреждениях большевиков; был контингент людей, постоянно раз'езжающих по местам, которые я считал важными...».

Одним из таких агентов сэра Маллисона был незнакомец, появившийся в ставке бандитского главаря Эзиз-хана. Деятельность этих бандитов направлялась опытной рукой матерого империалиста, мастера разжигания национальной розни.

Бандит Эзиз-хан был врагом хитрым и опасным. Он выдавал себя за ратоборца правды и справедливости. Честолюбивый авантюрист, мечтавший стать самодержавным владыкой Туркменистана, он обманывал народ, учитывая и используя малейший промах совдепов, засоренных меньшевиками и эсерами. Он пошел даже на то, чтобы отобрать хлеб у баев и раздать его голодающим дейханам. Так сумел он обмануть и привлечь на свою сторону многих бедняков «с ясным сердцем, но темным разумом».

Среди этих обманутых бедняков был и Артык — герой романа Берды Кербабаева «Решающий шаг».

Роман написан уверенной рукой. И чувствуется, что эта уверенность возникла у автора не потому, что ему удалось придумать занимательную фабулу,—наоборот, сюжет романа чрезвычайно прост; и не потому, что автору удалось украсить свои страницы словесными цветами, — наоборот, язык Берды Кербабаева большей частью строг, скуп, сдержан. Эта уверенность возникла потому, что автор выстрадал свою тему, он убежден, что читателя не может не взволновать то, что глубоко взволновало душу писателя,—и эту убежденность, это волнение мы испытываем вместе с автором. Нас увлекают и картины великой социалистической революции в знойных степях Закаспия, и полные горечи и юмора картины быта старого туркменского аула, и яркая ткань пейзажа, и судьбы простых людей, ставших нам близкими.

Юноша Артык и девушка Айна полюбили друг друга. Но первый богач их аула, бай Халназар, решает сделать Айну женой своего тупоумного сына Баллы. Так Халназар впервые становится на дороге Артыка. Их борьба то затихает, то разгорается.

Наступает 1916 год. В Европе — война. Царское правительство гонит туркменов на тыловые работы. Недовольство зреет, туркмены поднимают восстание. Под влиянием своего друга, большевика Ивана Чернышева, рабочего-железнодорожника, Артык становится участником восстания.

В стихийном восстании соединяются разные борющиеся силы: тут и беднота, тут и буржуазные националисты, тут и типа Эзиз-хана любители половить рыбу в мутной воде.

Повстанцы терпят поражение. Артык попадает в тюрьму, из которой его освобождают русские рабочие, освобождает Октябрьская революция. Ивана Чернышева избирают председателем Совета рабочих депутатов в Теджене. Но Артык идет не к своему другу, не к Чернышеву, не к красногвардейцам, — он идет к Эзиз-хану, и на плечах его появляются зеленые погоны с луной и звездами.

Умно и тонко показывает Кербабаев, как постепенно сама жизнь снимает с глаз Артыка и его товарищей националистическую пелену и открывает их глазам свет большевистской правды. На собственном опыте убеждаются бедняки-туркмены в правоте замечательных слов товарища Сталина: «Борьба окраинных «правительств» была и остается борьбой буржуазной контрреволюции против социализма. Национальный флаг пристегивается к делу лишь для обмана масс...»

Артык с ужасом видит, до какой нравственной бездны довела его близость к Эзиз-хану, изменнику и врагу народного дела, и он покидает его отряд и бежит в родной аул. Была минута, когда Артык, подобно шолоховскому Григорию Мелехову, хотел найти спасение в бегстве от событий в семье, в любви, в древнем труде землепашца. Но события революции так величавы, исполнены такой призывной мощи, что Артык не в силах бежать от них, и он находит свое место в рядах Красной Армии.

Хорошо описан Берды Кербабаевым приезд к бойцам Закаспийского фронта сталинского посланца — члена Туркбюро ЦК РКП(б) Валериана Куйбышева.

«Приподнявшись на стремена, Артык скомандовал:

— Полк, смирно!

Куйбышев посмотрел на фронт полка, на туркменов в больших папахах, на ахалтекинских коней. Артык под'ехал с рапортом...

Валериан Владимирович беседовал запросто, как знакомый человек, называл по имени командира и комиссара. Окружающие невольно улыбались его шуткам. Посмотрев в его большие глаза, Артык подметил в них силу и широту...

«При его помощи такие дейхане, как я, тоже сделаются людьми», — решил Артык».

По этому отрывку читатель может судить и о стиле романа — спокойном, ясном, родившемся под влиянием русской прозы. Строго реалистическая манера сочетается с фольклорными речевыми узорами — это придает книге своеобразную поэтическую прелесть.

Символического значения полна одна из заключительных сцен романа. Красная Армия победила. Полк Артыка дошел до Аму-Дарьи. С изумлением глядит Артык, уроженец безводной степи, на полноводную реку. Там, в его ауле, из-за маленького, еле журчащего ручейка происходят ежегодные убийства. А здесь — столько воды! И Артык слышит слова Ивана Чернышева:

«Чтобы провести воду Аму-Дарьи по степям Туркменистана, надо рыть каналы и сооружать плотины.

— А у кого хватит на это сил?

— У советской власти хватит».

Да, хватило у советской власти силы! Она помогла туркменскому народу сделать решающий шаг в будущее, к социализму, и вот теперь народ увидел, как аму-дарьинские воды сброшены в Кара-Кумы. Послевоенная пятилетка ознаменуется сооружением Большого Кара-Кумского канала. Аму-Дарья повернет волею народа в сторону Каспия, к землям Туркмении.

Шествие коммунизма победоносно. Мы видим, как дыхание Великой Октябрьской революции возродило и соединило в одно целое дотоле разрозненный туркменский народ. Роман Кербабаева — большой успех молодой туркменской прозы и успех всей нашей советской литературы.

П. И. Лебедев-Полянский

4 апреля после длительной болезни умер Павел Иванович Лебедев-Полянский — один из виднейших и активнейших деятелей советского литературоведения.

П. И. Лебедев-Полянский член ВКП(б) с 1902 года, родился в 1882 году в г. Меленках (бывш. Владимирской губернии). Он не раз подвергался арестам и преследованиям. В 1907 году П. Лебедев-Полянский бежал из Нижегородской тюрьмы и вынужден был эмигрировать. Лишь через 10 лет, в 1917 году, он смог вернуться на родину, чтобы принять самое активное участие в строительстве новой, советской России. П. И. Лебедев-Полянский был назначен правительственным комиссаром литературно-издательского отдела Наркомпроса. П. И. Лебедев-Полянский всемерно заботился об издании и распространении произведений русских классиков. В последние годы жизни он был главным редактором академических изданий сочинений Пушкина, Гоголя, Белинского, Добролюбова, Чернышевского.

Академик П. И. Лебедев-Полянский одним из первых начал разработку классического наследия революционных демократов. Его книги о Добролюбове, Чернышевском, Белинском пронизаны стремлением разносторонне, на большом материале показать идейное богатство наследия революционных демократов, неразрывную связь их литературной деятельности с борьбой за переустройство общества. Разоблачая представителей буржуазной теории «искусства для искусства» П. И. Лебедев-Полянский неустанно боролся за партийность литературы.

В последние годы Лебедев-Полянский был избран в академики, являлся заместителем академика-секретаря отделения литературы и языка Академии наук СССР и руководителем Института литературы Академии наук СССР (Пушкинского дома). Он заведывал кафедрой теории и истории литературы Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), принимал деятельное участие в работе Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Ученый никогда не замыкался в кругу узко академических интересов. Как член Союза советских писателей, он часто выступал по вопросам развития советской литературы.

Замечательным качеством академика П. И. Лебедева-Полянского было его любовное, заботливое отношение к научной молодежи. Он всемерно стремился обеспечить высокий идейный уровень и отличную профессиональную подготовку молодых литературоведов, смело поручал им разработку актуальных тем.

Светлый образ Павла Ивановича Лебедева-Полянского, одного из крупнейших советских литературоведов, ученого-большевика, навсегда останется в нашей памяти.

С. Вавилов, В. Волгин, Н. Бруевич, А. Фадеев, С. Кафтанов, В. Никитин, И. Мещанинов, А. Вознесенский, М. Алексеев, М. Азадовский, В. Адрианова-Перетц, С. Бархударов, Н. Бельчиков, П. Берков, И. Векслер, Н. Глаголев, Б. Городецкий, Г. Гуковский, Н. Гудзий, Н. Державин, В. Десницкий, В. Жирмунский, А. Еголин, В. Ермилов, И. Зильберштейн, Б. Козьмин, А. Лаврецкий, С. Макашин, Н. Маслин, Б. Мейлах, Е. Михайлова, И. Минц, А. Мишулин, Л. Модзалевский, А. Мясников, А. Назаров, С. Обнорский, А. Перепеч, Ф. Петров, Л. Плоткин, И. Сергиевский, А. Смирнов, Е. Таратута, Л. Тимофеев, Б. Томашевский, П. Черемных, Т. Шаргородский, И. Широков, Б. Эйхенбаум.

К 60-летию со дня рождения М. С. Шагинян

Л. СКОРИНО

ПОДВИГ ТРУДА

Творческий путь Мариэтты Сергеевны Шагинян — это путь неутомимого, упорного, напряженного труда. «Профессиональную работу, печатание я датирую с 15 лет, — говорит писательница, — и горжусь тем, что начала свою трудовую биографию в том же возрасте, в каком ее начинает большая часть производственных рабочих». Высокое чувство ответственности, представление о труде как о долге не только перед собой, но и перед обществом — черты, определяющие творческий облик советской писательницы.

Первые шаги в литературе М. Шагинян делает, находясь под прямым влиянием символистов. Но стремление к «настоящему делу», поиски философии, которая являлась бы «программой действия», творила бы жизнь, помогают М. Шагинян разглядеть истинную сущность ее эстетских «наставников», их реакционность, прикрытую «декадентской гурмандией».

В романе «Своя судьба» (опубликованном в 1918 г.) писательница показала узкий, замкнутый мирок — ту психологическую и идейную атмосферу, в которой накануне революции жило большинство русских интеллигентов.

Этот роман был написан в 1916 году, а семь лет спустя Мариэтта Шагинян рассказала о том, как раскололась интеллигенция на два лагеря и как лучшая ее часть пришла к большевикам, — пошла за теми, кто олицетворял собою светлое, творческое начало истории.

«...Музыка, музыка, музыка пройдет по всем улицам мира, с барабанщиками, отбивающими Перемену:

Трам-тар-рарам, просыпайтесь!
Зорю утреннюю мы играем тебе,
Человечество!»

И самый роман назывался «Перемена». Героическая романтика коренного переустройства жизни захватила писательницу, потрясенную мощью и величием начавшихся перемен. Революция открыла перед Шагинян необ'ятные жизненные просторы, «мир в движении».

Несмотря на то, что роман еще носил на себе следы старых символистских увлечений писательницы, «Перемена» была решительным прощанием с тем комнатным буржуазно-интеллигентским мирком идей и привязанностей, в котором жила М. Шагинян до революции, вместе с героями «Своей судьбы».

В новом романе М. Шагинян обращается к изображению широких исторических процессов. «Перемена» — это быль о гражданской войне на Дону, написанная, как свидетельствует автор, «по свежим следам пережитого, по дневнику и газетам». Здесь нарисованы подлинные, а не условные события, настоящие живые люди, их мысли, страсти, их реальные судьбы.

Герои М. Шагинян — свидетели и участники великих событий. Они видят гибель старого, гнусного мира, убеждаются в тщетности его попыток возродиться с помощью измены, белого террора, интервенции.

«Перемена» заняла прочное место в советской литературе, как одна из первых, талантливых книг, рассказавших с подлинным поэтическим волнением о радости прощания с ненавистным старым миром, о счастье встречи с новым миром.

В послеоктябрьских произведениях писательницы возникает образ интеллигента, поэта новой правды, нового гуманизма — гуманизма революции. Этот герой сменяет безвольных, упадочных индивидуалистов ранних вещей М. Шагинян. Этот новый герой, порвав с буржуазией, отдает свою жизнь народу. Такова молодежь в романе «Перемена». Близка к ним и Алина Зворыкина («Приключение дамы из общества», 1923 год), которая сделала решительный выбор между «подделкой под реальную жизнь» и самой жизнью.

Познать созидаемый большевиками новый мир в движении, законы, им управляющие,—такова теперь творческая задача М. Шагинян. Писательница ищет новые формы искусства. Она экспериментирует. Так возникают авантюрно-детективный роман «Месс-Менд» (1924) и роман «Кик» (1929). Но живую реальность немыслимо воплотить в условной форме. «Тут впервые в процессе творчества, — писала Шагинян в статье о социалистическом реализме, — я поняла, что отношение к действительности диктует нам и выбор художественного оружия, оружия художественного производства».

Связь с жизнью, изучение ее путем прямого вмешательства в эту жизнь Шагинян об'являет одним из основных принципов своей творческой работы. Уже в 1920 году она заносит в дневник: «Восемь месяцев не писала дневник. За это время совершенно отошла от литературы (своей и чужой) и по горло погрузилась в жизнь».

В двадцатых годах начинается цикл путешествий Мариэтты Сергеевны по необозримым просторам советской страны. С мандатом от газеты «Правда» писательница отправляется в Закавказье. Она наблюдает бурный рост закавказских республик, изучает те новые процессы, которые возникают в экономике и быту, в сознании людей. Шагинян ведет дневники, документальные записи, пишет многочисленные очерки, стремясь не пропустить ни одной хотя бы мельчайшей черты новой эпохи, стремясь закрепить в слове все те изменения, свидетелем которых она является. Стать «летописцем современности», раскрыть все своеобразие нового времени, дать целостный охват явлений, обобщив основные тенденции развития советского общества, — такова та увлекательная задача, которой М. Шагинян подчиняет свои путешествия. Так возникает ее проблемная публицистика, об'единенная под названием «Советское Закавказье» («Роман угля и железа», «Путешествие в мир хозяйственных проблем» и др.).

В поездках рождается замысел нового романа. В 1927 году Шагинян уезжает на новостройку и участвует в создании гидроцентрали Дзорагэс в Армении. Писательница была здесь «не в качестве гостя, а хозяина», так же как и «каждый участник строительства, самый рядовой работник». «Я участвовала в земляных работах, в работах по прокладке шпал, изучала рабочие чертежи, трассировку, историю проекта, делала геологические экскурсии и, наконец, включилась в борьбу стройки за оборудование». Шагинян изучает свой материал «изнутри» и, только полностью овладев им, берется за новую книгу.

«Гидроцентраль» (1930) — роман философский, а не только производственный. Герои его — советские люди — выступают в своеобразии их нового отношения к действительности. Они воплощают в себе творческое, созидательное начало. В своей практической деятельности, в мелких и больших делах они поэтичны и возвышенны, ибо пересоздают мир не только материально, вещно, но и устанавливая новые нормы человеческих отношений, утверждая новые духовные ценности. Таковы пожилая учительница Ануш Малхазян, романтик и философ Арно Арэвьян, партийный работник Марджана.

Новый цикл путешествий начинает М. Шагинян в годы Великой Отечественной войны, когда она едет на Урал, в Сибирь, на Алтай, где продолжает трудиться над своей «летописью современности». Перед самой войной писательница закончила две капитальные работы: перевод поэмы азербайджанского классика XII века Низами «Сокровищница тайн» и исследование о Шевченко, которое принесло ей в 1944 году ученое звание доктора филологических наук. В годы войны Шагинян вновь обращается к публицистике. Она пишет новые циклы очерков, представляющие своеобразный лирико-философский дневник современника великих событий. В 1942—1943 гг. печатается «Урал в обороне». В послевоенный период Шагинян выпускает «Письма с Закавказья» (1945), «Дела и люди Армении» (1946) и в 1947 году, путешествуя по новостройкам Урала, Казахстана, Сибири, начинает публиковать очерки о восстановлении и новом под'еме народного хозяйства социалистической страны — «По дорогам пятилетки».

Пафос грандиозных масштабов строительства, героика труда — основное в новых книгах Шагинян. Она воспевает социалистический труд — «умный, упорный, настойчивый, перспективный труд, пронизанный чувством будущего, ясным сознанием цели».

Это определило и своеобразие ее писательского облика. М. Шагинян всегда действует, как исследователь, но исследователь особого типа, для которого «первоисточником» является сама жизнь. Так, предприняв изучение жизни и творчества Шевченко, величайшего поэта Украины XIX века, М. Шагинян из'ездила все места, где только ступала его нога, побывав на родине поэта — Украине и повторив его путь по этапам ссылки к Аральскому морю. Писательницу можно встретить на склонах Закавказских гор, взбирающейся к потухшему кратеру вулкана не из туристского любопытства, а чтобы решить вопрос о местном строительном материале — артикском туфе, которому будет затем посвящен цикл очерков «Восхождение на Алагез». В годы послевоенной пятилетки она об'ехала новые, растущие по великому плану города, по маршрутам вновь проложенных дорог.

Творчество М. Шагинян неразрывно связано с жизнью нашей страны, с величественным трудом советских людей. Деятельность самой писательницы, неутомимого исследователя и путешественника, представляет собой подлинный трудовой подвиг.

НА ТВОРЧЕСКОМ ВЕЧЕРЕ М. С. ШАГИНЯН

Вчера писатели Москвы собрались в Центральном доме литераторов, чтобы приветствовать Мариэтту Сергеевну Шагинян в день ее 60-летия.

Н. Тихонов, открывший вечер, горячо поздравил М. Шагинян от имени президиума Союза советских писателей СССР.

Ф. Панферов, Д. Заславский, А. Софронов, академик Л. Д. Шевяков, В. Кирпотин, В. Шкловский, А. Караваева, Л. Сейфуллина, Л. Скорино и другие в своих речах охарактеризовали М. Шагинян как писателя-коммуниста, всем своим талантом, знаниями и вдохновенным, неутомимым трудом служащего интересам советского народа.

Академик В. Н. Образцов приветствовал писательницу от имени советских железнодорожников.

Проф. И. Розанов поделился воспоминаниями о том времени, когда М. Шагинян училась в гимназии, где он преподавал русскую литературу, и в заключение преподнес писательнице хранившееся у него 45 лет ее классное сочинение.

С приветствиями М. Шагинян выступили также представители ЦК ВЛКСМ, московских издательств, журналов, газет, Государственного литературного музея и других учреждений столицы.

В ответной речи Мариэтта Шагинян горячо благодарила партию Ленина—Сталина, воспитавшую советских писателей-большевиков и научившую их работать для будущего, отдавая все свои силы на благо любимой Родины.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни— К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем—К 4-60-02, информация — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5

Б—01711.